

Deutsches Historisches Institut
Moskau

“Centers” and “peripheries” of the european world order

Editor
Andrej V. Doronin

Editor of series
Andrej V. Doronin

ROSSPEN
Moscow
2014

Германский исторический институт
в Москве

Центры и периферии европейского мироустройства

Ответственный составитель

А. В. Доронин

Ответственный редактор серии

А. В. Доронин

ROSSPEN
Москва
2014

УДК 94(100)“654”(082.1)

ББК 63.3(0)5

Ц38

*Сборник подготовлен и издан
на средства Германского исторического института в Москве*

Центры и периферии европейского мироустройства / отв.
составитель А. В. Доронин. — М. : Политическая энциклопедия,
2014. — 399 с. : ил. — (Россия и Европа. Век за веком).

ISBN 978-5-8243-1908-8

Сборник подготовлен по материалам конференции ГИИМ. Ученые из Европы, в том числе России, и США на основе заявленных тем дискутируют дихотомию «центр — периферия» применительно к европейской истории от Средневековья до новейшего времени. В их фокусе не только проблемы зарождения и становления института наций в Европе, парадигмы культуры Просвещения, начала гражданского общества, мировые войны и революции, но и сам метод исторической науки.

Диалог представителей различных национальных школ историописания будет интересен не только специалистам, но и широкому кругу гуманитариев.

УДК 94(100)“654”(082.1)

ББК 63.3(0)5

ISBN 978-5-8243-1908-8

© Доронин А. В., составление, 2014

© Германский исторический институт в Москве,
2014

© Политическая энциклопедия, 2014

От составителя

«В центре и на периферии европейского сознания» — так называлась международная научная конференция, устроенная Германским историческим институтом в Москве осенью 2009 г. В ней приняли участие историки из России, Германии, Франции, Голландии, Швейцарии, Финляндии, Чехии, США. По ее результатам и был составлен предлагаемый вашему вниманию сборник. Пожалуй, это была первая столь представительная конференция по инициативе ГИИМ, тогда еще только начинавшего свою работу.

В серии, которую продолжает настоящая подборка, к 2013 г. уже вышли такие сборники, как «Вводя нравы и обычаи Европейские в Европейском народе»: к проблеме адаптации западных идей и практик в Российской империи» (М.: РОССПЭН, 2008); «Быть русским по духу и европейцем по образованию»: университеты Российской империи в образовательном пространстве Центральной и Восточной Европы XVIII — начала XX в.» (М.: РОССПЭН, 2009); «Правящие элиты и дворянство в России во время и после петровских реформ (1682–1750)» (М.: РОССПЭН, 2013); все они — результат организованных ГИИМ конференций, будь то программные инициативы института или же проекты, поддержанные также другими немецкими научными фондами.

Организуя дискуссию, посвященную центрам и перифериям европейского мироустройства, мы преследовали цель собрать ученых разных национальных школ и побудить их к широкому и заинтересованному обсуждению столь привычной, казалось бы (не только для историков), дихотомии как «центр — периферия». Притом ученых, чьи исследовательские пристрастия простираются от Средневековья (где начало Европе?) до XX века, чьи сюжеты, как, впрочем, и методологические подходы, различны. Вынесенные в названия секций традиционно сформулированные заглавные исследовательские срезы (1. Конец универсализма и зарождение наций; 2. Просвещение Европы; 3. В поисках гражданского общества; 4. Человек в плену идеологий), рассмотренные в различных коннотациях и длительной хронологической перспективе, ожидаемо обнаружили много узловых пунктов для плодотворной совместной рефлексии. Разумеется, мы предполагали столкновение исследовательских перспектив, методологических и теоретических подходов и были заинтересованы в этом, а также искали преломления дихотомии «центр — периферия» в других понятийных диалогических парах и разных способов инструментализации модели «центр — периферия» в зависимости от приоритетов той или иной эпохи. Прозвучавшие в стенах ГИИМ доклады в очередной раз продемонстрировали, насколько важен диахронный подход к парадигмам центра и периферии, а также выбор исследовательского фокуса и метода.

«Центры» и «периферии» как субъективные переживания исследователей и исследуемых

«Центр» и «периферия» — понятия, которые ныне применяются чрезвычайно широко и в самых различных областях гуманитарного знания. Прежде всего, разумеется, в тех, которые ориентированы на проблемы сегодняшнего дня: политология, социология, экономика (а также экономическая география¹), но также в дисциплинах, занимающихся прошлым, — истории и археологии. При этом множество авторов, использующих для своих специальных занятий такую терминологию, могут не только быть весьма далеки от концепции И. Валлерстайна, с именем которого принято сегодня связывать проблематику «центра и периферии», но и вовсе не иметь о ней никакого представления.

Это не удивительно, потому что И. Валлерстайн, рисуя мир как единую капиталистическую систему, складывавшуюся постепенно начиная с XVI в., центр которой активно развивался (и продолжает развиваться) за счет ресурсов периферии и полупериферии, опирался на образы, метафоры и ходы мысли, бывшие в широком употреблении задолго до него. Свою зависимость от Ф. Броделя И. Валлерстайн никогда не скрывал, а воздействие на него идей К. Маркса как прямое, так и опосредованное (в частности, тем же Ф. Броделем) настолько заметно, что направление, к которому принадлежит И. Валлерстайн, в специальной литературе обычно относят к «неомарксизму»².

Ничего удивительного, что марксистское в своих основах советское видение мира было не менее глобальным, системным и «центричным», чем оно предстало у И. Валлерстайна, хотя как характеристики самой этой мировой системы, так и определение места, характера и роли ее «центра» представлялись в советском контексте иначе, чем сегодняшнему левому американскому социологу. Высокая популярность и термина «мир-система», и вообще идей И. Валлерстайна в сегодняшней России вполне закономерна: они как нельзя лучше легли

¹ См., например, работу классика экономической географии, предложившего модель взаимодействия центральных и периферийных регионов в экономике: *Friedmann J. Regional Development Policy: A Case Study of Venezuela*. Cambridge (Mass.), 1966.

² См., например: Категории политической науки / под рук. А. Ю. Мельвиля. М., 2002. С. 609.

на постсоветское (точнее, в своей основе все еще вполне советское) мировосприятие отечественных интеллектуалов — как бы к этому мировосприятию ни относиться.

При желании можно составить сколько угодно длинный список примеров реализации «мир-системных» подходов в европейской мысли до появления собственно «мир-системного» подхода И. Валлерстайна — начиная с эпохи Просвещения, а то и раньше. Однако далеко не во всех предлагавшихся моделях заложен тот протест, который, видимо, особенно созвучен отечественным социологам, — протест против устройства мира, при котором «центр» эксплуатирует «периферию» и процветает за ее счет. Напротив, куда чаще высказывались идеи о «центрах» как лидерах, влекущих за собой «периферию» навстречу тем или иным высшим и всеобщим ценностям. У просветителей XVIII в., колонизаторов XIX в. или идеологов XX в. такие идеи получали, естественно, свой особый облик, но у всех них была единая основа.

В работе всякого социолога, в частности историка, идее определения того или иного «центра» и сопоставления его с «периферией» или «перифериями» принадлежит очень важная роль — такими идеями он руководствуется едва ли не повседневно, хотя далеко не всегда осознанно. В то же время использование этого принципа налагает на исследователя большую личную ответственность и чревато для него серьезным интеллектуальным риском, поскольку критерии выявления тех или иных «центров» отнюдь не самоочевидны, а зависят во многом от собственных пристрастий и предубеждений социолога.

В самом деле, желая того или нет, он всякий раз оказывается перед выбором из множества в принципе возможных вариантов таких систем — мировых, региональных или локальных. В абстрактном пространстве интеллектуальных спекуляций едва ли не все концепции такого типа, в основе каждой из которых лежит свой доминирующий фактор, оказываются в принципе равноправными, а потому исследователю необходимо самому выстраивать их в иерархию предпочтений, притом на основании собственного, разумеется, в высшей степени субъективного понимания ценностей.

Так, при взгляде на сегодняшний «системный мир», вопреки И. Валлерстайну, не сложно предложить весьма не похожие друг на друга, более того, противоположные концепции соотношения его центра и периферии, в зависимости от выбора ведущего критерия различения. Если таковым счесть, например, нынешний ареал расселения биологического вида *Homo sapiens* по планете Земля, «центр», естественно, окажется в густонаселенных районах Юго-Восточной Азии, а Северная Америка и Европа предстанут отдаленной и довольно слабой «периферией». Однако картина радикально изменится в

случае применения какого-нибудь иного критерия — например, размеров потребления энергии на душу населения, продолжительности жизни или же, скажем (совсем из другой области), количества высококорейтинговых университетов или лауреатов Нобелевских премий. «Ведущих факторов» самого разного рода исследователи могут предложить бесконечное множество, в зависимости от структуры их собственных интересов и предпочтений. Но как быть, если нас интересуют более или менее общие вопросы, относящиеся к направлению развития мира в обозримой перспективе? Какой фактор из множества возможных нужно будет выбрать в качестве того, что ближе остальных к «сути», какой вектор окажется, в конечном счете, решающим и определит характер развития мира? Каждый вправе строить на этот счет предположения исходя из особенностей собственного мировоззрения, но вряд ли он будет вполне уверен в «научной точности» сделанного выбора.

Конечно, в академической науке европейского образца уже случилось немало поколений исследователей, для которых всемирное лидерство европейской цивилизации, «центральность» ее положения по отношению к разного рода мировым «перифериям» является аксиомой, к тому же вроде бы вполне убедительно подтвержденной опытом по меньшей мере нескольких столетий³. (Отдельный вопрос, как оценивать это лидерство — со знаком плюс или минус.) Однако мировые процессы последнего времени заставляют по меньшей мере всерьез задуматься, удастся ли и впредь относиться к этому тезису как к аксиоме? Более того, не следует ли ожидать в скором будущем смены всей аксиоматики европейской культуры и европейского самосознания? В нынешнюю эпоху глобализации европейцы и так уже начинают испытывать дискомфорт от ощущения (насколько справедливо, особый разговор) того, что их самих все успешнее теснят другие культуры, а основания их собственной быстро размываются.

Однако, может быть, любые рассуждения о сегодняшней или предполагаемой в будущем «центричности» мира как единой системы являются выражением совершенно устаревших ходов мысли, не актуальных сегодня способов воображать социальное? И нам следует вместе с постмодернистами отказаться от любых «неомарксистских»

³ Так в соответствии с взглядами И. Валлерстайна. Однако, см. работу с весьма характерным названием другого представителя неомарксизма: Frank A. G. *The World System: Five Hundred Years or Five Thousand? L., 1993*. Согласно А. Г. Франку, начало подлинной мировой системы было заложено вовсе не в Европе XVI в., а еще в древнем Китае, и ее центр после сравнительно кратковременного блуждания по Европе и Северной Америке как раз сейчас возвращается к своему естественному исходному месту.

размышлений по поводу каких бы то ни было центров и периферий в мировой системе, признав вместо этого, что нынешний миропорядок не структурирован сколько-нибудь жестко, а постоянно фрагментируется и перестраивается заново на основе множества трудно прослеживаемых взаимосвязей?

Такого рода сомнения социолога, занимающегося анализом сегодняшних тенденций, должны быть, казалось бы, чужды историку, ведь его позиция куда выигрышнее: он находится вне того мира, который изучает, отделен от него порой весьма солидной хронологической и культурной дистанцией. Однако преимущества его «внеаходимости» при ближайшем рассмотрении оказываются весьма относительными: даже в самом далеком прошлом у него есть свои, вполне определенные, предпочтения, заданные воспитанием, образованием, особенностями его академической и общей культуры, научной карьеры, политических взглядов. С другой стороны, в его распоряжении столь же бесконечный, как и у специалиста по сегодняшним обществам, выбор возможностей «районирования» как целого мира, так и отдельных его регионов (различных «ойкумен») в зависимости от выбора критериев. Так, ничто принципиально не мешает историку-медиевисту выстроить всемирную историю вокруг такой оси, как культура выращивания, распространения и потребления пряностей — товара исключительно важного не только в экономическом плане, но и в плане социального воздействия на общества, где его производили и где потребляли, в плане политических отношений и в плане функционирования системы общемировых (во всяком случае, в пределах Старого света) коммуникаций. При таком взгляде «центром исторического развития» до поры до времени, вероятно, окажется будущая Ост-Индия, а в качестве периферии предстанут регионы Евразии и Африки, жаждавшие получить перец, но не способные сами его производить, в число которых, несомненно, придется включить и весь христианский мир.

Впрочем, историку привычнее проследить динамику распространения не сельскохозяйственных культур, а технических или технологических изобретений, особенно тех, что имели глубокие социальные и культурные последствия. Конечно, здесь тоже легко получить взаимоисключающие картины локализации «центров» и «периферий»: динамика освоения человечеством пороха вовсе не будет совпадать с динамикой применения аркебуз, использовавших тот же самый порох. Что следует считать более «центральным»: искуснейшее производство тканей из шелка и парчи в Китае, Персии, Индии или Византии, тканей, за которые знать и богачи всего Старого света отдавали колоссальные средства; или же производство более простого по технологии изготовления и относительно дешевого сукна

в городах Фландрии, благодаря спросу на которое Западной Европе удалось, наконец, выровнять свой торговый баланс с Востоком?

Историку придется выбирать на основании его собственного видения как прошлого, так и настоящего, какая именно система для него важнее. Если предпочтение отдается таким явлениям, как, например, распространение раннего типографского дела, итоговая картина получится совершенно иной, чем в рассмотренном выше случае с миром, выстроенным «вокруг» специй. Иоганн Гуттенберг изобрел печатный станок в 40-е гг. XV в. в Страсбурге или Майнце, в 1460 г. печатный станок работал в Бамберге, в 1467 г. печатня появилась в Риме, в 1470 г. — в Париже, в 1474 г. — в Валенсии, в 1476 г. — в Вестминстере, в 1480 г. — в мусульманской Андалусии, в 1525 г. — в Литве, в 1550-е гг. — в Москве, а в 1593 г. — на Филиппинах. Понятно, что в данной системе и Москва, и Филиппины оказались *периферией* технологической революции, *центр* которой был в Западной Европе, в германских землях. Если бы в Москве стали распространять книги, вырезанные на досках по китайской технологии, это стало бы ясным показателем того, что Московское царство относится к периферии не европейской, а совершенно иной культуры.

Однако достаточно ли усвоения какого-либо «чужого» изобретения — будь то в Москве или на Филиппинах, чтобы признать данную область периферией по отношению к центру, где изобретение было сделано? Наверное, на Филиппинах в конце XVI в. использовались и другие — пускай даже многочисленные — европейские технологии. Означает ли данное обстоятельство само по себе, что Филиппины были включены в систему европейской культуры? Можно ли его рассматривать хотя бы в качестве начала такого включения, или же мы имеем дело с весьма фрагментарной и поверхностной рецепцией, не влиявшей серьезно на глубинные основания местной жизни? На все эти вопросы необходимо искать свои ответы в каждом отдельном случае.

С другой стороны, технологическое первенство редко удается удерживать надолго, и из того, что Альдо Мануций основал свою венецианскую типографию около 1490 г. — через полвека после Гуттенберга, — вовсе не следует, что ее продукция была хуже качеством или менее значимой, чем то, что печаталось в том «центре», где изобретение было сделано (в Майнце, Страсбурге или других германских городах). Скорее напротив, именно типография Мануция стала определять стандарты печатного дела. Следовательно, делать единственный технологический фактор главным критерием оценки — дело рискованное, ведь изобретенная в одном месте технология может быть доведена до совершенства совсем в другом.

Если с существенными сложностями приходится сталкиваться уже при относительно простой процедуре «картографирования» отдельных инноваций, что тогда говорить об определении целых регионов, стран и областей в качестве «центров» или «периферий», — характеристик, которые историки раздают весьма охотно на основе собственных человеческих, политических, мировоззренческих пристрастий и антипатий? Вряд ли найдутся учебники или иные очерки раннесредневековой истории — что у нас, что за границей, в которых, например, каролингская держава характеризовалась бы не столько в качестве центра и ядра Западной Европы (или даже Европы вообще), сколько как периферия византийского мира, отличающаяся многими чертами, разумеется, от Сирии или, скажем, Закавказья, но по своему общему отношению к константинопольскому центру с ними весьма сходная. Между тем применение именно такого подхода позволяет, думается, дать куда более убедительные, чем сегодня, описания многих явлений как на Западе, так и на Востоке, причем на уровне не только общих процессов, но и предельно конкретных деталей⁴.

Однако последовательно представлять державу Каролингов византийской периферией означает выбрать не только академическую, но и философскую, а то даже и политическую, позицию. Следствия такого выбора могут увести весьма далеко. С одной стороны, не каждый готов отказаться от идеи извечного различия Запада от Востока и постоянного соперничества представляемых тем и другим общих принципов. С другой — история долгой эмансипации и усиления «западной периферии» византийской ойкумены параллельно со столь же долгим ослаблением константинопольского «центра», приведшая в итоге к превращению латинской Европы в мощнейший фактор мирового уровня, должна наводить на размышления и по поводу нынешних «центров» и «периферий», как бы их ни определять. Эксплуатируемая сегодня (согласно И. Валлерстайну) «центром» «периферия» завтра может сама стать центром, примеров чему в прошлом можно найти не только в раннем Средневековье. Чего стоит хотя бы эволюция британских колоний в Северной Америке.

Из вышесказанного вовсе не следует, что исследователю, размышляющему о соотношении центров и периферий в региональной или

⁴ Подробнее об этом см.: Бойцов М. А. Символический мимесис — в средневековье, но не только // Казус. Индивидуальное и уникальное в истории. 2004. Вып. 6. М., 2005. С. 355–396. Несколько подробнее немецкая версия той же статьи: Бойцов М. А. Symbolische Mimesis — nicht nur im Mittelalter // Zeichen — Rituale — Werte. Hg. von Gerd Althoff unter Mitarbeit von Christiane Witthöft. Münster, 2004 (Symbolische Kommunikation und gesellschaftliche Wertesysteme. Schriftenreihe des Sonderforschungsbereichs 496, 3). S. 225–257.

всемирной истории, не миновать погружения в безысходный релятивизм. Ему необходимо лишь ясно сознавать, что его собственные предпочтения, сколь бы самоочевидными они ни казались, далеко не единственно возможные, а потому требуют от него рефлексии, само-го серьезного обоснования его выбора и доброжелательного (хотя и неизбежно критического) отношения к любым иным предпочтениям других исследователей.

* * *

В первой части этой статьи речь шла о субъективизме, проявляемом исследователем при «назначении» им тех или иных «центров» и «периферий» — что в прошлом, что в настоящем, как факторе если и не опасном, то во всяком случае настораживающем, требующем дополнительной рефлексии. Однако «центральность» и «периферийность» бывают не только качествами, задаваемыми историком, стоящим *вне* изучаемого им сообщества, но и состояниями, переживавшимися *внутри* того самого общества. При этом субъективные оценки, которые люди прошлого давали месту и роли их сообщества в современном им культурно-политическом метапространстве, вовсе не обязательно должны совпадать с соотношением между «центрами» и «перифериями», постулируемыми нынешним историком. Хотя оценка современников почти никогда не выражалась в ясной терминологии, тем более такой, которая отвечала бы сегодняшним требованиям, ее эмоциональная составляющая и сама по себе весьма ценна. Насколько причастными к какому бы то ни было «центру» или, напротив, к «перифериям» ощущали себя авторы тех или иных дошедших до нас текстов или же, например, политики, реализовывавшие себя не в текстах, а в действиях? Вопрос можно ставить, естественно, не только в регионально-географическом, но и общесоциальном плане: переживание, скажем, собственной маргинальности, разумеется, вовсе не обязательно должно быть связано только с пространственной удаленностью от некоего «столичного центра». В любом случае, ощущения собственной «центральности» или, напротив, «периферийности» у людей прошлого столь же бесспорно заслуживают быть предметом изучения историка, сколь спорными окажутся любые его собственные рассуждения на тему, где пролегалли границы между предстающими его мысленному взору цивилизационными «центрами» и «перифериями».

Разумеется, историк, «делимитируя» ту или иную прошлую цивилизацию, вовсе не обязан руководствоваться мнениями живших в ней людей. Нередко полярность его карты мира оказывается едва ли не противоположной той, что имела в сознании людей прошлого. Так, хотя новоевропейской образованной публике (а по большей ча-

сти и историкам-профессионалам) древняя Эллада представляется *центром* доримской ойкумены, сами греческие авторы и политики, кажется, такой оценки не разделяли. Достаточно вспомнить египетский экскурс Геродота, чтобы уловить его представление об эллинах как молодом народе, существующем рядом с великой цивилизацией, выступающем в роли «догоняющего», т. е. находящемся на периферии ойкумены, хотя и, безусловно, исполненной всяческих достоинств. И Геродот, и Александр Македонский, похоже, в сходной мере готовы были признать принципиальную «центральность» Востока, прежде всего Египта и Персии, хотя из этого отнюдь не следовало, что оба страдали от комплексов по поводу собственной эллинской «периферийности». Напротив, они, похоже, испытывали энтузиазм от ощущения того, что «их» периферия в состоянии успешно противостоять давлению центра (Геродот), а то даже и подчинить его себе (Александр). Именно энтузиазм такого рода и побудил обоих к их столь разным, хотя и равно важным для будущего свершениям. Зато, скажем, у Полибия осознание «периферийности» Эллады на фоне превращения Рима в неоспоримый центр ойкумены выдержано совсем в иной тональности, нежели у Геродота, и предполагает совершенно иной склад мыслей и действий. Один «провинциализм» другому рознь.

Тут, кстати, становится понятно, что величие Александра Македонского в глазах современников состояло не столько в том, что он покорил *много земель*, сколько в том, что завоевал *центр мира* — как его представляли себе греки. Если заняться составлением типологии завоевателей, то Александра придется по одному из важнейших параметров противопоставить европейским конкистадорам и колонизаторам Нового времени. Те двигались от центра «их» вселенной, чтобы захватить более или менее далекую периферию (или чтобы еще только включить в такую периферию вообще неизвестные запредельные края), а не наоборот, — к «центру» — как Александр. Зато рядом с великим македонцем, согласно той же классификации, окажутся вожди всяческих варварских племен IV–V вв., рвавшихся подчинить себе какую-нибудь — пускай даже скромную — часть клонившейся к закату Римской империи.

Между прочим, различить оба этих типа завоевателей можно по тому, что они говорят о завоеванных. Завоеватели, пришедшие «из центра», жалуются на «примитивность», «дикость», «грубость», «нецивилизованность» тех, кого они покоряют, лишь иногда снисходительно похваливая их за какие-нибудь отдельные удачные приспособления. Завоеватели же, явившиеся с «периферии», не устают иронизировать над избыточным, изнеживающим, порой просто извращен-

ным комфортом, ставшим настолько привычным для завоеванных, что именно из-за приверженности к нему те и потерпели поражение.

Завоевание второго типа — от периферии к центру — (как и обычно предшествовавшие ему отдельные набеги) часто является, в сущности, своего рода признанием со стороны нападавших собственной периферийности и удостоверением, что тому, на кого нападают, принадлежит роль цивилизационного лидера — иначе на него и нападать никакого смысла не было бы. Примеров такой формы признания чужого превосходства через попытку подчинения (а то и уничтожения) обладателей такого превосходства можно приводить множество из самых разных эпох — вплоть до отчаянных атак современных террористов.

Итак, «центральность» и «периферийность» оказываются явлениями прежде всего психологического плана — даже если исходить из того самоочевидного тезиса, что человеческая психика рождает подобные настроения не сама из себя, а суммируя и обобщая внешние импульсы самого разного плана — экономические, политические, культурные, бытовые и проч. Соответственно, и попытки преодоления неприятных аспектов ощущения «периферийности» собственного сообщества (если речь идет не о столь комфортном варианте периферийности, как у Геродота) происходят, как правило, именно в области психологии. Такие усилия могут, разумеется, оставлять к радости историка и вполне осязаемые следы. Например, храм или дворец, выстроенный «не хуже», чем в «центре», но даже у таких сугубо материальных объектов важнейшей стороной оказывается именно психологическая — их воздействие на самоощущение заказчиков.

Вспомним, как торжествовали при дворе императора Людовика Благочестивого в 826 г., когда там смогли, наконец, построить «по греческому образцу»⁵ первый на латинском Западе орган. Торжественные мелодии органов сопровождали явления государей в Константинополе, отчего этот инструмент стал восприниматься как особая царская инсигния⁶. После провозглашения франкского короля

⁵ «Interea... adduxit Baldricus domno imperatori presbyterum quendam Georgium nomine, bone vite hominem, que se promitteret organum more posse componere Grecorum», см.: *Astronomus. Vita Hludovici imperatoris // Theganus. Gesta Hludovici imperatoris; Astronomus. Vita Hludovici imperatoris* (Monumenta Germaniae Historica [далее — MGH] Scriptores rerum Germanicarum in usum scholarum separatim editi. 64). Hannover, 1995. P. 432 (С. 40).

⁶ Об истории органа см.: *Perro J. L'orgue de ses origines Hellénistiques a la fin du XIIIe siècle*. P., 1965; *Schubert D. Kaiserliche Liturgie. Die Einbeziehung von Musikinstrumenten, insbesondere der Orgel, in den frühmittelalterlichen Gottesdienst* (Veröffentlichungen der Evangelischen Gesellschaft für Liturgie-

Карла в 800 г. императором ее стало остро недоставать при его дворе. Искать искусного механика пришлось два с половиной десятилетия, пока некий священник Георгий из Венеции не снабдил, наконец, западного государя необходимым для его сана «столычным», но столь сложным в техническом отношении символом его власти. Приближенные Людовика представляли это достижение чуть ли не полной победой над высокомерными «пеласгами», т. е. византийцами. Как писал один из франков: «И даже орган, какого ранее никогда не создавали в державе франков, из-за обладания которым непомерно чванились гордые царства пеласгов и лишь которым одним Константинополь думал превзойти тебя, цезарь, есть теперь во дворце в Ахене. Возможно, в этом содержится указание на то, что им придется склониться под ярмом франков, потому что у них отобрано важнейшее знамение славы»⁷.

Эти напыщенные слова прекрасно свидетельствуют о крайней степени психологической зависимости франкской элиты от константинопольского «центра», задававшего образцы того, как именно должна быть «оформлена» настоящая императорская власть. Те же типичные «комплексы провинциалов» отчетливо проявлялись и в байках автора конца IX в., санкт-галленского монаха Ноткера Заики («Деяния Карла Великого»), на тему, как сообразительные франки то и дело славно «срезали» высокомерных греков — что у себя в стране, что даже на берегах Босфора, и в ядовито-уничжительных описаниях константинопольского двора, вышедших в 969 г. из-под пера взбешенного неласковым приемом Лиутпранда Кремонского, посланца очередного западного императора (т. е. узурпатора в глазах византийцев) — Оттона I к государю ромеев.

Строительство органов, дворцов и храмов — это способ преодоления «периферийности» через преобразование окружающей реальности, посильное приближение ее к образцу, правда, едва ли дости-

forschung, 17). Göttingen, 1968; *Hammerstein R. Macht und Klang. Tönende Automaten als Realität und Fiktion in der alten und mittelalterlichen Welt*. Bern, 1986. Для наших целей особенно полезен: *Maliaras N. Die Orgel im byzantinischen Hofzeremoniell des 9. und des 10. Jahrhunderts*. München, 1991.

⁷ «Organa quin etiam, quae numquam Francia crevit, / unde Pelasgatum regna superba nimis, / Et quis te solis, Caesar, superasse putabat / Constantinopolis, nunc Aquis aula tenet. / Fors erit indicium, quod Francis colla remittant, / Cum sibi praecipuum tollitur inde decus», см.: *Ermoldus Nigellus. In honorem Hludovici Christianissimi Caesaris Augusti // MGH Poetae Latini aevi Carolini / Rec. Ernst Dümmler*. T. 2. Berlin, 1884. P. 5–79, здесь: P. 76 (IV, 639–644). Ср.: *Maliaras N. Op. cit.* S. 176–177 с указанием литературы, относящейся к этому эпизоду.

жимому. Так, появление органа — «императорского инструмента» — в Ахене не привело к превращению этой резиденции в центр мира, вопреки заверениям придворных льстецов. Однако в распоряжении историка имеется пример и вполне успешного преобразования «периферии». Провинциальный римский городок Элия Капитолина на протяжении IV в. пережил быстрое превращение в центр если и не мира, то, во всяком случае, весьма интенсивного общеевропейского паломничества. Для радикальной перемены статуса города оказалось достаточно щедрого императорского покровительства, но главное — обнаружения двух материальных реликвий — гроба Господня и Истинного креста⁸. Именно эти вполне осязаемые предметы определили, в конечном счете, что Иерусалим, притом не как символ из Священного писания, а как реальный географический объект, займет центральное место и в сознании европейцев, и на картах, которые они будут составлять на протяжении всего Средневековья. Сакральные в глазах христиан реликвии казни и воскресения Иисуса Христа оказались в ту эпоху наилучшим средством «депровинциализации» Святой земли.

Улучшение действительности — даже путем обретения священных реликвий — не самый простой путь преобразования «провинции» в «центр». Однако почти всегда имелась возможность воспользоваться и совершенно другим, куда менее затратным способом. Ведь фрустрацию от своей непринадлежности к «центру» можно смягчить, не преобразовывая мир вокруг себя, а всего лишь переформулируя собственную идентичность на основе заново конструируемого прошлого. Основная функция истории как рассказа состоит в интеграции определенного сообщества — индивиды сплачиваются в более-менее стабильную группу не в последнюю очередь именно на основе согласия по поводу совместного прошлого. Всякому сообществу необходима собственная история, чтобы стать таковым, и всякий исторический нарратив создавался некогда в каком-либо сообществе, нуждавшемся в интегрирующем его видении минувшего⁹.

⁸ В качестве введения в проблематику см. из новых работ, например: Бойцов М. А. Священный венец и священная узда императора Гонория // Море и берега. К 60-летию Сергея Павловича Карпова от коллег и учеников / отв. ред. Р. М. Шукуров. М., 2009. С. 267–336; и в более подробной версии: Бойцов М. А. Der Heilige Kranz und der Heilige Pferdezaum des Kaisers Konstantin und des Bischofs Ambrosius // Frühmittelalterliche Studien. Bd. 42. 2008. [2009]. S. 1–69.

⁹ Подробнее см.: Boytsov M. A. No Community without History, no History without Community // Approaches to European Historical Consciousness: Reflections and Provocations. Ed. by Sharon Macdonald with the assistance of

Яркий пример попытки радикального переконструирования коллективной идентичности (притом, кажется, двух разных сообществ сразу) путем трансформации исторической картины представляет собой «Гетика» — сокращение и переработка готом Иорданом «Истории готы», написанной примерно между 526 и 533 гг. римлянином Кассиодором¹⁰. Кассиодор приступил к своему труду по заданию остготского короля Теодориха Великого, полновластно правившего Италией. Хотя его победоносное племя расселилось в самом сердце империи, подчинив себе город Рим, готы продолжали восприниматься местным населением в качестве чужаков и маргиналов, да и сами не могли не ощущать своей «периферийности» в подчиненной ими стране.

Место, которое Кассиодор отвел в своем произведении элементам собственно готской культуры памяти¹¹, весьма невелико¹². И не удивительно: вместе со своим заказчиком он видел задачу этого сочинения, надо полагать, вовсе не в сохранении и закреплении собственной исторической традиции готы, а в создании новой, отвечавшей положению их народа в качестве правящей элиты в Италии, а их королей из славного рода Амалов — в качестве естественных государей как готы, так и римлян. Легитимации господства Теодориха и его преемников и должно было служить, в конечном счете, его историческое произведение, насколько можно судить по версии Иордана, сильно искажившей исходный замысел. Под пером Кассиодора готы оказываются древнейшим и славнейшим народом древности, так или иначе общавшимся с Геркулесом, Александром Македонским, Цезарем и прочими славными героями. Готы древнее римлян, никоим образом

Katja Fausser. Hamburg, 2000 (Eustory Series. Shaping European History, 1). P. 68–74.

¹⁰ Текст см. по: Iordanis De origine actibusque Getarum // Iordanis Romana et Getica / Rec. Th. Mommsen. Berlin, 1882 (MGH Auctores antiquissimi [далее — Auct. ant.], 5/1). P. 53–138. Русский перевод вместе с латинским текстом (воспроизведение издания Т. Моммзена) см. в: Иордан. О происхождении и деяниях гетов («Getica») / изд. подг. Е. Ч. Скржинская. 2-е изд. СПб., 1997.

¹¹ О понятии см.: Ассман Я. Культурная память: Письмо, память о прошлом и политическая идентичность в высоких культурах древности. М., 2004.

¹² Попытка их выявить была предпринята в: Бойцов М. А. Следы готской «культуры памяти» в «Гетике» Кассиодора и Иордана // Предания и мифы о происхождении власти эпохи Средневековья и раннего Нового времени. Материалы конференции. М., 2010. С. 16–19.

не уступают им в доблестях, скорее превосходят их, а в учености ни в малейшей степени не отстают от греков.

Конечно, все эти изошренные приемы исторической депровинциализации предназначались не рядовым членам племени — ведь простые германцы вряд ли были наслышаны, например, о Троянской войне, в которой, оказывается, принимали участие их доблестные предки, или об амазонках, которые, как достоверно выяснил Кассиодор, сами были из числа готских женщин. Обычные готы скорее всего довольствовались традиционными германскими преданиями и песнями, совершенно чуждыми латинской культуре. «История готов» Кассиодора была написана для римлян, чтобы легитимировать в их глазах власть германца Теодориха и его потомков, и для быстро романизовавшейся готской верхушки¹³. Именно последняя, обретя такую историю своего народа, получала возможность избавиться от комплексов провинциальности. Однако тем самым она закрепляла свою психологическую зависимость от образцов, заданных в «центре», ведь «История» Кассиодора была написана по всем законам римского историописания, и в случае своего распространения среди готской элиты созданная в ней картина прошлого вытеснила бы со временем собственно готскую. А это неизбежно вызвало бы глубокие перемены в идентичности самих готов: депровинциализация и приобщение, наконец, к вожделенному «центру» означали бы в данном случае исчезновение исходной готской самости. Впрочем, независимо от усилий Кассиодора именно такой процесс как раз быстро и шел — притом не только у готов, но у всех варварских племен, расселившихся на землях Рима.

Иордан продолжил эксперимент Кассиодора над исторической памятью готов и римской памятью о готах, но в совершенно ином направлении. Когда он писал «Гетику», войска Юстиниана завершали уничтожение готского королевства в Италии, и теодориканская идея Кассиодора о том, что господство готов во главе с Амалами над римлянами естественно, закономерно и, как мы бы сейчас сказали, исторически обусловлено, утратила всякий смысл. Хотя Иордану не хватило мастерства стереть все ее следы из своей переработки труда Кассиодора (благодаря чему мы и имеем представление о его исходной концепции), он подвел читателя к новому выводу: славные своим прошлым и настоящим готы должны влиться в империю и стать одной из важнейших ее опор. Тем самым «Гетика», в полную

¹³ О воздействии римских ценностей на верхушку варварских, в частности готских, обществ говорится на многих страницах работы: Томпсон Э. А. Римляне и варвары. Падение Западной империи. М., 2003.

противоположность сочинению Кассиодора, стала инструментом «репровинциализации» готов в глазах как римлян, так и готской элиты. Попытка радикально изменить соотношение между «центром» и «периферией» не удалась, и «романизация» исторической памяти готов привела в конечном счете вовсе не к их эмансипации (как, вроде бы, изначально замышлялось), а, напротив, к еще большей интеграции в систему ценностей империи.

Приведем еще несколько примеров из разных стран и времен в надежде показать, что прием депровинциализации сообщества через переконструирование заново его прошлого использовался отнюдь не одним лишь Кассиодором в начале VI в. — напротив, он относился к числу тех, на которые всегда имелся спрос. Саму возможность осуществлять порой весьма смелые операции с исторической памятью задавал, видимо, тот же ход мысли, что приводил позднее к созданию т. н. благочестивых фальшивок: их авторы вовсе не лгали — они лишь помогали восторжествовать истине, подправляя действительность там, где на ее поверхности проявлялись досадные несовершенства. Если у нашего монастыря не обнаруживается владельческих документов на деревню, ставшую предметом вожделения соседнего сеньора, то изготовить диплом от имени Карла Великого, в которой она навечно закреплялась бы за нашей обителью, — не преступление против истины, а, напротив, выявление истины высшего порядка и восстановление замутненной было случайными обстоятельствами справедливости¹⁴. Точно так же борьба с ощущением собственной периферийности ведется нередко путем «уточнения» картины прошлого, приведения ее к «правильному» состоянию.

Если Иерусалим благодаря своевременному обнаружению бесценных реликвий, подкрепленному августейшим благоволением, с одной стороны, и неудержимой тяге народной религиозности к «опредмечиванию» веры, с другой, превратился в IV в. из далекой «периферии» империи в символический центр христианской ойкумены почти мгновенно, то итоговый успех папского Рима был завоеван в долгой и трудной борьбе. Оттесненный на второй план новой столицей Константина, превратившись, по сути дела, в провинцию, пускай и не такую глухую, как Элия Капитолина, Рим все же сумел заново приобрести статус одного из центров мира (во всяком случае, в глазах его жителей). И сделано это было за счет мобилизации не столько материальных, сколько символических ресурсов. Вспомним,

¹⁴ См. весьма репрезентативный много томный сборник исследований средневековых подделок: Fälschungen im Mittelalter: internationaler Kongreß der Monumenta Germaniae Historica München, 16–19. September 1986. Bde. 1–6. Hannover, 1988–1990 (MGH Schriften, 33/1–6).

что еще в XV в. Рим вовсе не производил впечатления особо богатого и процветающего города даже на приезжих из не самых урбанизированных регионов Европы. Как с разочарованием заметил один суздалец — участник флорентийского собора 1439 г.: «Церкви же в нем [т. е. в Риме] были [некогда] велми велицы, и позлащенные верхи, и полаты чудны. И то все порушилося, запустения ради»¹⁵.

Зато Рим, как и Иерусалим, преуспел в создании себе трансцендентной легитимации, независимой от оценочных систем, выстраивавшихся императорской властью — тем «центром», по отношению к которому любые сообщества внутри империи оказывались «периферийными»¹⁶. Ведь в Риме рано начали описывать свой город не столько как бывшую, древнюю, исконную или даже вечную столицу империи, сколько как град апостолов Петра и Павла, что подкреплялось наличием соответствующих реликвий. Тем самым легитимация через имперское прошлое была заменена легитимацией через сакральную вечность — предпочтение, оказавшееся очень верным.

Однако в Риме было опробовано и другое, весьма своеобразное и эффективное, средство разрешить проблему собственного провинциализма — такое, какого в Иерусалиме не знали. Оно состояло в том, чтобы *отделиться* от довлевшего «центра» и создать собственное символическое пространство, заняв в нем, естественно, центр и трансформируя все остальное в собственную периферию. Здесь-то и понадобилось произвести решительную реорганизацию прошлого ради перестройки всего современного ценностного пространства. Склонность к такой реформе ясно проявилась в сочинении (вероятно, в середине VIII в.) знаменитого «Константинова дара» — даже если его текст и не получил сразу после появления сколько-нибудь широкого распространения¹⁷. Прошлое, которое подвергается реорганизации в «Константиновом даре», не менее классическое, чем прошлое «Геттики» и лежащей в ее основе «Истории готов», но эта классичность иного свойства. Во-первых, прошлое «Дара Константинова» задается не давней греко-римской литературной традицией, составлявшей

¹⁵ Заметка о Риме // Памятники литературы Древней Руси. XIV — середина XV века. М., 1981. С. 494.

¹⁶ См. о возникновении и развитии такого рода стратегии легитимации на примере папских погребений: *Borgolte M.* Petrusnachfolge und Kaiserimitation: die Grablagen der Päpste, ihre Genese und Traditionsbildung. Göttingen, 1995 (Veröffentlichungen des Max-Planck-Instituts für Geschichte, 95).

¹⁷ Обзор некоторых проблем, связанных с этим сочинением, и перечень основных исследований, ему посвященных, см.: *Бойцов М. А.* Зачем папе римскому императорский фригий? // Власть и образ. Очерки потестарной имагологии / под ред. М. А. Бойцова и Ф. Б. Успенского. СПб., 2010. С. 125–158.

основу кругозора любого образованного подданного империи, а традицией христианской — церковно-исторической и агиографической. Характерными топосами здесь являются не Александр Македонский, амазонки, Троянская война и проч., а эпизоды новозаветной истории, драматические гонения языческих правителей Рима на христиан и конечное торжество истинной веры. Соответственно рассказ концентрируется на переломном моменте чудесного обращения в христианство римского императора, т. е. на превращении Римской империи из главного врага христианства в его основную опору. Во-вторых, прошлое «Константинова дара», в отличие от прошлого «Геттики», обладает правовой силой: оно налагает строгие обязательства сугубо юридического плана, которые должны выполняться и сегодня, и в будущем. Соглашение, заключенное некогда между императором Константином и епископом Римским Сильвестром, обязательно для всех последующих императоров и пап.

Здесь нет возможности подробно разбирать, какими именно символическими средствами провинциальный Рим поднимается в «Константиновом даре» до «столичного» уровня: первый государь-христианин якобы жалуется папе все свои инсигнии, включая золотой императорский венец, и дворец, который «превосходит все остальные дворцы по всему свету»¹⁸. Он предоставляет Сильвестру целый штат придворных¹⁹. Римские клирики (среди которых естественнее всего искать возможного автора «Дара») приравниваются императором к членам сената²⁰ и получают право носить белые одежды, особую обувь и накрывать своих коней белыми попонами²¹. Идет ли здесь

¹⁸ «...atque de praesenti contradimus palatium imperii nostri Lateranense, quod omnibus in toto orbe terrarum praefertur...», см.: *Constitutum Constantini*, 14. Все цитаты приводятся по изданию: *Das Constitutum Constantini* (Konstantinische Schenkung). Text. Hg. von Horst Fuhrmann. Hannover, 1968 (MGH Fontes iuris Germanici antiqui in usum scholarum separatim editi, 10).

¹⁹ «...et quemadmodum imperialis potentia officiis diversis cubiculariorum nempe et ostiariorum atque omnium excubiorum ornatu decoratur, ita et sanctam Romanam ecclesiam decorari volumus», см.: *Constitutum Constantini*, 15.

²⁰ «Viris enim reverentissimis, clericis diversis ordinibus eidem sacrosanctae Romanae ecclesiae servientibus illud culmen, singularitatem, potentiam et praecellentiam habere sancimus, cuius amplissimus noster senatus videtur gloria adornari, id est patricos atque consules effici, nec non et ceteris dignitatibus imperialibus eos promulgantes decorari», см.: *Ibid.*

²¹ «...et ut amplissime pontificalis decus praefulgeat, decernimus et hoc, ut clerici eiusdem sanctae Romanae ecclesiae mappulis ex lintheaminibus, id est candidissimo colore, eorum decorari equos et ita equitari, et sicut noster senatus calciamenta uti cum udonibus, id est candido lintheamine illustrari: ut sicut caelestia ita et terrena ad laudem dei decorentur», см.: *Ibid.*

речь об узурпации императорских инсигний или же только об уподоблении им предметов, уже давно имевшихся у пап и их приближенных, нас здесь интересовать не будет²². Главное, пафос документа состоит в повышении Константином статуса папы фактически до уровня императора и в передаче в его полную власть Италии и вообще всей западной части империи, от вмешательства в дела которой император отказывается²³. Константин собирается построить на востоке «в лучшем месте округа Византия» город своего имени, чтобы править там, «поскольку несправедливо, чтобы земной император обладал властью там, где царем небесным поставлен первенствующий из священнослужителей и глава христианской религии». Тем самым происходит не только теоретическое разделение функций папы и императора, но и такая географическая «демаркация», при которой Рим оказывается самостоятельным центром со своей собственной периферией, ни административно, ни символически не зависящим от Константинополя.

Провозглашение в 800 г. в Риме императором франкского короля Карла представляло собой иной, чем в «Константиновом даре», вариант решения проблемы «депровинциализации» Рима в сознании современников, но на основе того же принципа: отмежевания от «центра» и превращения Рима в центр нового, собственного, символического культурного и политического пространства.

С «Константиновым даром» уместно сравнить одну более позднюю «легитимирующую фальшивку», также построенную на пересоздании исторической памяти и также сыгравшую в свое время важную роль в вычленении одного политического сообщества из другого. Речь идет о т. н. Большой привилегии (*Privilegium majus*),

²² Отчасти этот вопрос затрагивается в: *Бойцов М. А.* Зачем папе римскому императорский фригий?

²³ «Unde ut non pontificalis apex vilescat, sed magis amplius quam terreni imperii dignitas et gloriae potentia decoretur, ecce tam palatium nostrum, ut praelatum est, quamque Romae urbis et omnes Italiae seu occidentalium regionum provincias, loca et civitates saepéfato beatissimo pontifici, patri nostro Silvestrio, universali papae, contradentes atque relinquentes eius vel successorum ipsius pontificum potestati et ditioni firma imperiali censura per hanc nostram divalem sacram et pragmaticum constitutum decernimus disponenda atque iuri sanctae Romanae ecclesiae concedimus permanenda.

Unde congruum prospeximus, nostrum imperium et regni potestatem orientalibus transferri ac transmutari regionibus et in Byzantiae provincia in optimo loco nomini nostro civitatem aedificari et nostrum illic constitui imperium; quoniam, ubi principatus sacerdotum et christianae religionis caput ab imperatore caelesti constitutum est, iustum non est, ut illic imperator terrenus habeat potestatem», см.: *Constitutum Constantini*, 17–18.

подготовленной целой группой сотрудников канцелярии герцога Рудольфа IV Габсбурга зимой 1358–1359 гг.²⁴ В нее вошли наряду со списками ряда подлинных грамот копии двух привилегий, якобы выданных Австрийскому герцогству не кем-нибудь, а императорами Юлием Цезарем и Нероном.

Текст установления Юлия Цезаря гласит: «Мы, Юлий, император, мы, цезарь и почитатель богов, мы верховный август имперской земли, мы опора мира, шлем всей области Восточного края и ее обитателям милость Рима и мир наш. Повелеваем вам при нашем триумфе, чтобы вы принадлежали высокочтимому сенатору и дяде нашему, потому что мы вручили вас в вечное феодальное владение ему и его наследникам, как и прочим потомкам из его дома, чтобы вы навечно оставались при них и их потомстве. Поскольку не должно нам устанавливать власть над ними, мы дарим ему и указанным его преемникам все блага поименованной Восточной земли. Сверх того, мы принимаем указанного нашего дядю и всех его преемников советниками в секретнейший наш Римский совет таким образом, чтобы впредь ни одно важное дело не решалось бы без его ведома. Дано в Риме, столице мира, в день Венеры, в первый год нашего царствования и в первый год золотой подати»²⁵.

²⁴ Основным исследованием остается по-прежнему: *Lhotsky A.* *Privilegium maius*. Die Geschichte einer Urkunde. München, 1957. См. также: *Ladner G. B.* *The Middle Ages in Austrian Tradition: Problems of an Imperial and Paternalistic Ideology // Viator*. Vol. 3. 1972. P. 433–462; *Moraw P.* *Das «Privilegium maius» und die Reichsverfassung // Fälschungen im Mittelalter: internationaler Kongress der Monumenta Germaniae Historica München, 16.–19. September 1986*. Bd. 3. Hannover, 1988 (MGH Schriften, 33/3). S. 201–224; *Willich Th.* *Zur Wirkungsgeschichte des Privilegium maius // Zeitschrift für historische Forschung*. Bd. 25. 1998. S. 163–207; *Schlottheuber E.* *Das Privilegium maius — eine habsburgische Fälschung im Ringen um Rang und Einfluss // Die Geburt Österreichs. 850 Jahre Privilegium minus*. Hg. von Peter Schmid und Heinrich Wanderwitz. Regensburg, 2007 (Regensburger Kulturleben, 4). S. 143–165.

²⁵ «Nos Iulius Imperator, nos cesar et cultor deorum, nos supremus terre imperialis augustus, nos sustentator orbis universi plage orientalis terre suisque incolis Romanam veniam et nostram pacem vobis mandamus per nostrum triumphum, quod vos illi precello senatori nostro avunculo pareatis, quoniam nos eidem et suis heredibus sueque domus descendentibus donavimus vos in feodotariam possessionem perpetue tenendum sibi et suis posteris imperpetuum relinquentes, quod nullam potestatem super eos statuere debemus, nos ei et dictis suis successoribus largimur omnes utilitates terre orientalis memorate. Insuper nos eundem avunculum nostrum et omnes eius successores assumptimus consiliarium in secretissimum consilium Romanum taliter, quod deinceps nullum perpetuum negocium sive causa fieri debeat suo sine scitu. Datum Rome capitali

Нерон был не менее речист: «Мы, Нерон, друг богов и распространитель их веры, предводитель римской мощи, император и цезарь и август. Мы вместе со всем нашим сенатом пришли к заключению, что Восточная земля (*terra orientalis*) должна быть отличена перед всеми прочими землями, потому что она и все ее жители славным образом превосходят всех [прочих] подданных Римской империи. Поэтому мы провозглашаем [своей] императорской властью эту землю навеки свободной от всех податей и сборов, будь то уже наложенных или же тех, что еще [только] будут взиматься нами и нашими преемниками. Мы также желаем, чтобы эта земля вечно пребывала свободной. Также мы повелеваем римской властью, чтобы никто не обременял сию вышеуказанную землю враждебными действиями ни по какому поводу. Если же кто-либо поступит вопреки этому, то как только он совершит такое, его надо будет [подвергнуть] опале Римской империи и никогда уже ее с него не снимать. Дано в Латеране в день Марса, великого бога»²⁶.

Ни один фальсификатор не жаждет мгновенного разоблачения. Понятно, что приведенные цитаты ценны для историка уже тем, что передают весьма своеобразные представления об истории Рима, которые, очевидно, были распространены у элиты, правившей в германских княжествах второй половины XIV в. и еще не ощутившей ренессансных веяний из Италии. Однако нас здесь интересует несколько другой вопрос.

Появление обеих древнеримских привилегий явно было вызвано трениями между Рудольфом IV и его тестем императором Карлом IV Люксембургом. Многие историки полагают, что «Привилегия Юлия Цезаря» стала слегка запоздавшим ответом на Золотую буллу 1356 г., где Карл IV окончательно определил группу из семи князей, которым

mundi die Veneris regni nostri anno primo et exactionis auri anno primo», см.: Die Urkunden der deutschen Könige und Kaiser. Bd. 6. Berlin; Weimar; Hannover, 1941–1978 (MGH Diplomata 6). Nr. 41. S. 53.

²⁶ «Nos Nero amicus deorum et fidei eorum propalator, preceptor potestatis Romani, Imperator et cesar et augustus. Nos sumus deliberati cum omni nostro senatu, quod eximi debeat illa terra orientalis ante alias terras, quia ipsa et eius habitatores ante omnes illos, qui Romani imperii subditi sunt, laudabiliter elucescit. Ob hoc dicimus nos illam eandem terram inperpetuum quietam et absolutam omnis pensionis et census, qui iam impositus est vel erit in futurum ab imperiali potestate aut a nobis vel successoribus nostris seu quibusvis aliis. Nos volumus eciam, quod eadem terra inperpetuum libera perseveret. Eciam precipimus nos ex Romana potestate, quod cum nulla adversitate illa terra supra nominata ab aliquo in aliquo molestetur. Si quis autem contra hoc faceret, quam cito hoc perpetrasset, ille esse debet in banno Romani imperii et nunquam inde tempore aliquo exire. Datum apud Lateranum in die Martis illius magni dei», см.: Ibid.

полагалось избирать короля Римского — главу империи. Герцогами Австрийским не нашлось места в этой семерке, что ослабляло позиции Габсбургов. Теперь же выясняется, что еще Юлий Цезарь ввел в «секретнейший совет» Римской империи правителя Австрии, и с тех пор ни одно важное дело не может решаться в отсутствие герцога Австрийского.

Преодоление «историческими средствами» обозначившейся в середине XIV в. угрозы оттеснения герцогов Австрийских на периферию политической жизни шло по уже известному нам сценарию. Авторы нашли в прошлом самый ранний эпизод, от которого можно было протянуть правовую традицию, сохраняющую обязывающую силу вплоть до их собственных дней. Таким моментом в их глазах являлось, как следует из текста, включение «Восточной земли» (хотя при взгляде не из Баварии, а из Рима Австрия должна была находиться явно не на востоке, а на севере) в пределы Римской империи. Выходит, сам Юлий Цезарь ее завоевал (по поводу чего даже устроил триумф), но сразу же передал новообретенную страну в весьма достойные руки своего *старшего* родственника на исключительно льготных для будущих правителей Австрии условиях. Помимо этого, несколько погодя, Нерон, присмотревшись как следует к австрийцам, выяснил, что они «славным образом превосходят» всех прочих подданных Римской империи, отчего навсегда освободил их от уплаты любых налогов в имперскую казну. Практичнее было бы включить последнюю льготу еще в «Привилегию Юлия Цезаря», однако это показалось, видимо, составителям, в отличие от всего остального, неправдоподобным. Раз они начинают «актуальную» историю Австрии с ситуации *военного завоевания* страны Цезарем, то полагать, будто триумфатор не станет ничего требовать с только что разбитого им противника, было бы нереалистично. Но непонятно, почему автором второй привилегии был назначен столь малосимпатичный в исторической традиции персонаж, как Нерон. В тексте есть даже намек на преследования христиан при нем («друг богов и распространитель их веры»). Почему именно он освободил австрийцев от любых имперских податей, не разгадано историками, занимавшимися *Privilegium majus*, до сих пор.

«Большую привилегию» ждало славное будущее — даже несмотря на разгромную критику Франческо Петрарки, которому император Карл IV передал ее на экспертизу. Хотя Карл не стал признавать столь сомнительные тексты, другой государь — Фридрих III Габсбург — все же дважды (в 1442 г. как король Римский и в 1453 г. как император) подтвердил «Большую привилегию», дававшую серьезные преимущества его родовым наследственным землям. Фальшивка обрела официальный статус и со временем немало способствовала

развитию юридической мотивации совершенно особого, по сравнению с другими территориями, положения австрийского княжества в составе империи. Тем самым, грубая, на нынешний взгляд, подделка сыграла заметную роль в том, что на сегодняшней карте Европы есть самостоятельное австрийское государство. Спасибо за это, конечно, также Юлию Цезарю и Нерону.

«Константинов дар» и «Большую привилегию» можно рассматривать как попытки так трансформировать историческую память, чтобы депроvincialизация «нашего» сообщества, перемещение его с «периферии» в «центр» (разумеется, не в «действительности», а в глазах членов такого сообщества) осуществилось через дистанцирование от исходного «центра» и вычленение собственного символического пространства, выстроенного теперь уже вокруг «нас». Другой характерный вариант переименования прошлого с целью перемены восприятия «центральности» и «периферийности» можно найти в российской истории. В отличие от предыдущего, он построен не на отграничении от довлеющего над сознанием «центра», а, напротив, на примыкании к такому «центру», с которым связаны определенные ценностные ожидания. Для членов того или иного политического сообщества ощущение «периферийности» часто вызвано недостатком легитимации его правящей элиты, а значит, и самого этого сообщества. Соответственно, усилия по психологической депроvincialизации выражаются в стремлении обрести дополнительную легитимацию, чаще всего, естественно, символическими средствами.

Именно недостаток легитимации, видимо, остро ощущался элитой Московского княжества в конце XV — начале XVI в. Вследствие этого тогда и возник ряд текстов, имевших целью придать новой державе, а главное, правящей в ней династии, достойное историческое обоснование: т. н. Чудовская повесть, «Послание о Мономаховом венце» Спиридона-Саввы и «Сказание о князьях владимирских». На трудный вопрос о соотношении этих сочинений друг с другом и их датировке специалисты дают различные ответы²⁷. Для нас, однако,

²⁷ Мнение об изначальности сочинения Спиридона-Саввы представлено работами: Дмитриева М. П. Сказание о князьях владимирских. М.; Л., 1955. С. 171–213; Она же. О текстологической зависимости между разными видами рассказа о потомках Августа и дарах Мономаха // Труды Отдела древнерусской литературы ИРЛИ РАН (далее — ТОДРЛ). Т. 30. Л., 1976. С. 217–230; Она же. Сказание о князьях владимирских // Словарь книжников и книжности Древней Руси. Вып. 2. Ч. 2. Л., 1989. С. 370–371; Лурье Я. С. Литература XVI века // История русской литературы X–XVII веков / под ред. Д. С. Лихачева. М., 1980. С. 287–333, здесь: С. 288–289. Различные предположения о том, что Спиридон-Савва воспользовался уже существовавшим

достаточно и того, что в общем для них сюжетном ядре практически одинаково говорится о происхождении летописного Рюрика — основателя династии русских князей — из рода императора Августа²⁸. Даже если первыми это генеалогическое построение взяли на вооружение тверские князья (что обсуждается в связи с редакцией тверича Спиридона-Саввы), князья Московские легко приспособили его для собственного возвеличивания, превратившись тем самым в отпрысков дома Юлиев. Кого бы ни считать автором сказания, составлено оно было в близком окружении великого князя²⁹.

Генеалогическое обоснование удачно дополнялось указанием на ряд легитимирующих артефактов. Оказывается, константинопольский император Константин Мономах отослал русскому князю Владимиру Всеволодовичу венец со своего чела (шапку Мономаха), собственное оплечье (бармы) и шейную цепь из аравийского золота, а помимо того еще две реликвии: одну страстную — наперсный крест, сделанный из древа Истинного креста; и одну историческую — сердоликовый кубок, из коего пил некогда опять-таки император Август³⁰.

Легко предположить, что все перечисленные предметы действительно имелись среди инсигний великого князя Московского в то время, когда сочинялось сказание. Более того, их можно отчасти идентифицировать³¹. Так, крест упоминается в духовных грамо-

текстом, представлены исследованиями: Жданов И. Русский былевой эпос. СПб., 1895. С. 62–150; Гольдберг А. Л. К истории рассказа о потомках Августа и о дарах Мономаха // ТОДРЛ. Т. 30. 1976. С. 204–216; Зимин А. А. Россия на рубеже XV–XVI столетий (Очерки социально-политической истории). М., 1982. С. 148–159. А. А. Зимин исходит из того, что первоначальный текст сказания представлен в Чудовской повести, а возникло оно в связи с венчанием Дмитрия-внука в 1498 г.

²⁸ «Они же [т. е. «мужий новгородстии»] шедше в Прусьскую землю и обретоша тамо нъкоего князя именемъ Рюрика, суша от рода римскаго Августа царя, см.: Сказание о князьях владимирских // Памятники литературы Древней Руси. Конец XV — первая половина XVI века. М., 1984. С. 422–435, здесь: С. 426.

²⁹ Дмитриева М. П. Сказание о князьях владимирских // Словарь книжников... С. 370–371.

³⁰ «От своя же выя снемлет животворящий крестъ от самого животворящаго древа, на немъ же распята владыка Христос. Снемлет же от своя главы венецъ царский и поставляет его на блюде злате. Повелеваетъ же принести крабъицу сердоликову, из нея же Августия, царь римский, веселяшеса, и ожерелие, иже на плещу своею ношаше, и цепь от злата аравьска исковану, и ины многи дары царския...», см.: Сказание о князьях владимирских. С. 428.

³¹ Здесь мы следуем за работой: Стерлигова И. А. Византийские святыни и драгоценности московских государей // Наше наследие. № 93–94. 2010. С. 2–23.

тах московских князей с 1417 г. как «крест честный животворящий патриаршь Филофеевский». В духовной грамоте Ивана III 1504 г. имя Филофея из названия реликвии исчезает: «Крест животворящее древо в раце царьградской». Духовная грамота Василия III не сохранилась, но «Летописец начала царства великого князя Ивана Васильевича» говорит о благословении умиравшим князем его сына Ивана уже «животворящим крестом, который прислан из Цареграда от царя Константина Мономаха к великому князю Владимиру Мономаху». Тем самым процесс переосмысления реликвии в духе «Сказания о князьях владимирских» представлен в документах весьма последовательно.

О том же процессе свидетельствуют и характерные изменения в старейших русских коронационных чинах. В первом из них, относящемся к возвышению Дмитрия-внука в 1498 г., о страстной реликвии нет ни слова³². Во втором же, написанном для поставления на царство Ивана IV в 1547 г., о кресте-реликвии (что прислал «Греческий царь Костантин Манамахъ на поставление къ великимъ княземъ Русскимъ») говорится много, и в церемонии ему отводится весьма важная роль³³.

О том, какое значение придавалось этому кресту, свидетельствуют рельефы на тему «Сказания», украсившие тронное место Ивана IV в Успенском соборе Московского Кремля (1551). В обеих сценах передачи реликвий (сначала царем Константином — митрополиту Неофиту, а затем Неофитом и его спутниками — князю Владимиру) кресту отводится более почетное место, чем венцу. Во-первых, в обоих случаях крест оказывается композиционно выше венца. Во-вторых, царь держит его правой рукой, а венец — левой. В-третьих, Неофит передает крест Владимиру обеими руками, оставив «шапку Мономаха» на попечение менее важного члена посольства³⁴. Конечно, нет

³² Русский феодальный архив XIV — первой трети XVI века / под ред. В. И. Буганова. Вып. 3. М., 1987. № 16–18. С. 608–625.

³³ Барсов Е. В. Древнерусские памятники священного венчания царей на царство в связи с греческими их оригиналами. С историческим очерком чинов царского венчания в связи с развитием идеи царя на Руси. М., 1883. С. 50, 75 и др.

³⁴ Репродукции см.: Соколова И. М. Трон царя Ивана Грозного в Успенском соборе. М., 2006. С. 44, 47. С подчеркнутой выразительностью резчик изображает крест также на груди царя Константина в одной сцене и князя Владимира — в другой. Там же. С. 41, 45, 49, 55. Соответственно, И. А. Стерлигова, может быть, не вполне права, говоря, «как выглядел этот крест — неизвестно, потому что документы, в которых он мог быть хотя бы кратко описан, сохранились лишь от второй четверти XVII века». Конечно, резьба на

ничего удивительного в том, что страстной реликвии отдается явное предпочтение перед венцом земного царя.

Там же в двух сценах изображены и бармы³⁵, упоминавшиеся в московских княжеских духовных грамотах со времени Ивана Калиты (1336)³⁶, но начавшие ассоциироваться с царской властью, видимо, лишь ближе к концу XV в. В обоих старейших чинах поставления на царство (как и в более поздних) бармы, естественно, упоминаются неоднократно.

В чине Ивана IV упоминается и о цепи аравийского золота, якобы присланной Константином Мономахом вместе с остальными инсигниями. Митрополит возлагает ее на московского государя у царских врат в ходе литургии между венчанием и помазанием, вскоре после того, как прозвучит «Херувимская»³⁷.

«Сердоничная крабица», или «коропка сердонична золотом кована» (в которой тем не менее следует видеть не шкатулку, а чашу), упоминается в великокняжеских завещаниях с 1359 г., хотя, разумеется, и без какой бы то ни было связи с Октавианом Августом³⁸. В чинах поставления на царство она, однако, не упоминается.

Тронном месте никаких деталей не передает, хотя, возможно, она позволяет представить размеры и общую форму этой реликвии. Разумеется, художник мог создать условное изображение, однако его «интерпретация» шапки Мономаха довольно реалистична. Являлась ли ставрогтека, хранящаяся сейчас в Эрмитаже, вместилищем именно для данной реликвии в середине XVI в., пока достоверно не выяснено. Однако, позже для креста был изготовлен ковчег, известный как Ковчег Хворостинина — сейчас в Музеях Кремля. См.: Мартынова М. В. Ковчег И. А. Хворостинина // Художественные памятники Московского Кремля. Материалы и исследования. Вып. 16. 2003. С. 91–109.

³⁵ Соколова И. М. Указ. соч. С. 49, 55.

³⁶ Кучкин В. А. Издание завещаний московских князей XIV в. // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2008. № 1(31). С. 95–108, здесь: С. 107.

³⁷ Барсов Е. В. Указ. соч. С. 61, 85.

³⁸ Кучкин В. А. Издание завещаний московских князей XIV в. 1359 г. Первая душевная грамота великого князя Ивана Ивановича // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2008. № 4(34). С. 97–101, здесь: С. 99. Ср.: Стерлигова И. А. Указ. соч. И. А. Стерлигова, конечно, неточно расставляет акценты, когда пишет, что «хранившийся в великокняжеской казне византийский драгоценный сосуд стал импульсом для возникновения предания, укоренившегося в государственной доктрине и дипломатической практике XVI века». В действительности «импульсом» стало осознание необходимости усилить легитимацию государя. Под его воздействием произошло переосмысление предметов, рассматривавшихся в великокняжеской семье в качестве особо ценных, в числе которых была и «крабица».

Особую роль играет в «Сказании», естественно, венец: «И оттоле и донныне тем венцем венчаются царскимъ велиции князи володимерьстии, его же прислал греческий царь Коньстантинъ Манамах, егда ставятся на великое княжение русское»³⁹. Тем самым в качестве легитимирующего центра четко обозначается Константинополь, и устанавливается прямая связь с этим центром. Более того, перенесение венца с головы императора в Москву означает и перенесение туда же, хотя бы отчасти, *легитимирующей* силы «центра», т. е. перенесение самого «центра»: тем самым здесь уже намечается идея Москвы как Третьего Рима⁴⁰. Кстати, часть Истинного креста аналогичным образом «переносит» в Москву и Иерусалим, делая из Москвы новый образ и этого священного града. И, наконец, сердоликовый кубок Августа передает Москве харизму Ветхого Рима.

Как известно, применительно к святым реликвиям часть равнозначна целому: в едином волосе святого верующие могут обрести всю его спасительную силу, без всякого ее уменьшения. Та же логика должна была по аналогии и в силу инерции мышления распространиться и на «политические святыни», такие как венец и крабца. Привязывание их к Константинополю и Риму приводит к перемещению *всей* «силы» и того, и другого в Москву и перенесению *всей* легитимности императоров древности и византийских василевсов на московских государей. В результате такой процедуры Москва тотчас представляла никакой не периферией, а самым что ни на есть центром. Насколько успешно прошла эта трансформация, здесь обсуждать неуместно, для нас важно, что москвиты выявили тем самым свою систему ориентиров, в которой они, оказывается, ощущали себя окраиной того мира, центр которого составляла Римская империя в разных ее исторических воплощениях. Принимая во внимание историю Московского княжества, его государи теоретически могли бы совершенно иначе выстраивать собственную символическую вселенную, легитимируя свою власть, например, через наследование монгольским ханам, легендарному попу Иоанну, грузинским царям и т. п.

Правда, в поздних переработках «Сказания о князьях владимирских», когда оно совмещалось со сказочным «Сказанием о Вавилоне»⁴¹, «шапка Мономаха» оказывалась изначально венцом царя Навуходоносора, перенесенным (естественно, вместе с самой

³⁹ Сказание о князьях владимирских. С. 430.

⁴⁰ См. прежде всего: *Синицына Н. В.* Третий Рим. Истоки и эволюция русской средневековой концепции (XV–XVI вв.). М., 1998.

⁴¹ См. прежде всего: *Дробленкова Н. Ф.* Сказание о Вавилоне // *Словарь книжников...* С. 351–357.

царской властью) из Вавилона в Константинополь. Однако даже здесь нет оснований подозревать русских книжников в поиске центров легитимации, альтернативных европейским. Их Навуходоносор — это герой пророчества Даниилова (в интерпретации бл. Иеронима): он государь первого всемирного царства (символизируемого золотой головой приснившегося ему истукана). Римская империя оказывается последней в ряду сменяющих друга друга «мировых держав», за которой последует только царство Божие. «Вавилон» оказывается здесь, следовательно, не центром легитимации, а историософской категорией, выражением целостности высшего замысла.

Определить, против какого соперника Москвы в первую очередь нацелена концепция «Сказания о князьях владимирских», как и родственных ей текстов, несложно уже потому, что «Сказание» нередко продолжалось генеалогией великих князей Литовских, настолько карикатурной, особенно применительно к основателю рода — Гедимину, что ее невозможно было даже сравнивать с благороднейшей династией князей Московских. Труднее определить публицистическую направленность другого яркого произведения, куда хуже известного историкам, нежели «Сказание о князьях Владимирских».

* * *

В Австрийской национальной библиотеке хранится записка капеллана Себастьяна Главинича, участника имперского посольства во главе с бароном Августином фон Мейербергом, посетившего Москву при царе Алексее Михайловиче в 1661–1663 гг.⁴², записка невелика по объему и не отличается систематичностью. Написана она была, видимо, только в 1668 г. и адресована императору Леопольду I, хотя побудил Главинича к ее составлению, по его же словам, папский легат. Текст записки был опубликован рижско-митавско-петербургским историком Б. Г. фон Вихманом (1788–1822) еще в начале XIX в.⁴³, а ближе к концу этого же столетия вышел и перевод ее на русский язык,

⁴² Wien. Österreichische Nationalbibliothek. Cvp 8578 (Sebastianus Glavinich. Relatio brevis de rebus Moscoiticis cum epistola ad Leopoldum I. Imperatorem praemisa).

⁴³ Sebastianus Glavinich de Rebus Moschorum // *Sammlung bisher noch ungedruckter kleiner Schriften zur älteren Geschichte und Kenntniss des russischen Reiches.* Hg. von Burchard Heinrich von Wichmann. Bd. 1. Berlin, 1820. S. 339–362. См. упоминание в классическом, хотя и изрядно устаревшем справочнике: *Adelung F.v.* Kritisch-Literarische Übersicht der Reisenden in Russland bis 1700; deren Berichte bekannt sind. St. Petersburg, 1846. S. 334–335, а также, напротив, в одном из самых новых: *Poe M.* Foreign Descriptions of Muscovy. An Analytic Bibliography of Primary and Secondary Sources. Columbus (Ohio), 2008. P. 133.

выполненный А. Н. Шемякиным (1817–1887)⁴⁴. Сами по себе соображения Главинича (сформулированные им, видимо, в ответ на вопрос легата о возможности обращения русских в католичество) не лишены интереса, особенно если сравнивать их с записками главы посольства барона фон Мейерберга⁴⁵, но здесь речь пойдет лишь об одном фрагменте этого произведения, точнее о своего рода документальном приложении к нему, никак не связанном с основным текстом.

Главинич приводит в переводе на латынь без всяких собственных комментариев текст грамоты, обнаруженной, по его словам, в «московских анналах»⁴⁶. Составлена она была якобы самим Александром Македонским и представляла собой его пожалование «роду славян» — *Genti Slauogum*. Александр милостиво признает за тремя вождами «воинственного племени славянского» (*Belligerae Nationi Sclavonicae*) со странными для славян именами — Великосан, Хасан и Хавесан — и их наследниками земли от Варяжского моря до Каспийского (*a Mari Waregho ad Caspium*)⁴⁷.

История «Александрова дара славянам» известна давно, хотя внимание исследователей привлекала до сих пор мало. Начало современного этапа изучения связанных с ним вопросов положила статья Ф. Пфистера, известного знатока как самой биографии Александра Великого, так и многочисленных ее переложений, включая средневековые романы и легенды⁴⁸. Его суждения были существенно развиты и пересмотрены А. С. Мыльниковым, работа которого является к настоящему времени самым полным исследованием «Грамоты Александра славянам»⁴⁹.

⁴⁴ *Себастьян Главинич*. О происшествиях московских 1661 г. М., 1875 (Чтения в Обществе истории и древностей Российских [далее — ЧОИДР]. 1875. Кн. 1. IV. С. I–III, 1–14).

⁴⁵ Издание: Augustin Freiherr Meyerberg und seine Reise nach Russland. Hg. von Friedrich von Adelung. St. Petersburg, 1827. Перевод на русский язык: *Мейерберг А.* Путешествие в Московию барона Августина Мейерберга, члена Придворного совета и Горация Вильгельма Кальвуччи, кавалера и члена Правительственного совета Нижней Австрии, послов августейшего римского императора Леопольда к царю и великому князю Алексею Михайловичу в 1661 году, описанное самим бароном Мейербергом. М., 1874 (ЧОИДР, 1874. Кн. 1. IV. С. 169–216).

⁴⁶ Wien. Österreichische Nationalbibliothek. Cvp 8578. Fol. 11v.

⁴⁷ Ibid. Fol. 11v — 12v.

⁴⁸ *Pfister F.* Das Privilegium Slavicum Alexander des Großen // *Zeitschrift für Slawistik*. Bd. 3. 1961. S. 323–345.

⁴⁹ *Мыльников А. С.* Картина славянского мира: взгляд из Восточной Европы. Этногенетические легенды, догадки, протогипотезы XVI — начала XVIII в. СПб., 2000 (*Slavica Petropolitana*, 1) (первое издание вышло в

Согласно А. С. Мыльникову, первый вариант «Александрова дара» документально фиксируется в первой половине XV в., хотя создали его еще в середине XIV в., а вовсе не в начале XVI в., как полагал Ф. Пфистер⁵⁰. Подкрепление гипотезы А. С. Мыльникова можно найти в самом содержании «привилегии»: в ней Александр Великий передавал славянам все земли «от Аквилона до южных пределов Италии»⁵¹. Буде же на них окажется какое-либо население, оно поступит в рабское услужение славянам. Неожиданно широкие «империалистические» претензии составителей Грамоты (славяне должны господствовать над всей Италией!) трудно объяснить вне связи с приобретением королем Чехии Карлом IV титула императора Священной Римской империи. Конечно, самого Карла Люксембурга при всей его любви к Чехии отнести к «славянам» непросто, но в его ближайшем окружении имелось немало славян не только из собственно Чехии, но и из Силезии и других областей, входивших тогда в обширный комплекс «земли Чешской короны». Поскольку трудно представить себе силы, которые могли бы связать сколько-нибудь серьезные политические расчеты с «Александровым даром», естественно предположить, что грамота была шуткой, сочиненной кем-то из славянских советников Карла IV (вспомним, например, влиятельнейшего Яна Очка из Влашима) или же сотрудников его канцелярии, чтобы повеселить коллег. Всем им, действительно, приходилось так или иначе участвовать в управлении империей вплоть «до южных пределов Италии».

Шутка, видимо, понравилась, и «грамоту Александра» оставили храниться в канцелярском архиве, а спустя столетие с лишним вновь ее там обнаружили и, начисто забыв об обстоятельствах появления сего документа на свет, отнесли к нему с чрезмерной серьезностью. Но это только догадка.

Хотя А. С. Мыльников относит рождение «Дара» к 1348 г., резоннее было бы датировать его чуть более поздним временем. В первые годы правления Карла IV ни ему самому, ни его приближенным было вовсе не до господства над Италией. Поэтому сочинение «Александрова дара» стоит связывать с одним из двух походов Карла IV за

1996 г.). См. гл. 2 «Мифологема пространства: о Грамоте Александра Македонского» (с. 45–94).

⁵⁰ Там же. С. 78–79. В сочинении грамоты Ф. Пфистер подозревал Сигизмунда фон Герберштейна (или его друга Франциска де Турри), который, якобы впоследствии стыдясь этой своей юношеской шутки, не вспоминал о ней ни в одном сочинении, см.: *Pfister F.* Op. cit. S. 338–339.

⁵¹ Как в самом раннем т. н. Бренском списке: «ab aquilone usque ad fines Italiae meridionales», см.: *Мыльников А. С.* Указ. соч. С. X.

Альпы, притом скорее с первым, завершившимся императорской коронацией в Риме (1354–1355), нежели со вторым (1368–1369), особыми успехами не увенчавшимся.

О распространении «Славянской привилегии Александра Велико-го» из Чехии в Польшу, а оттуда на Украину и в Россию А. С. Мыльников рассказывает весьма подробно. При всем разнообразии вариантов, которые текст грамоты приобретал по мере его усвоения в славянском мире — на чешском, польском, латинском и восточнославянских языках, во всех них угадывается общий прототип, в котором Александр обещал славянам Италию. Лишь немногие книжники попытались заменить эту странную претензию на более реалистичные границы славянского мира, например «от Борисфена до Истра». Тем не менее все эти варианты Ф. Пфистер вполне закономерно объединил в один общий тип: «Текст I». И столь же закономерно он выделил один-единственный «вариант Главинича» в другой тип: «Текст II»⁵². Если «Текст I» можно считать общеславянским (на Руси он тоже получил немалую известность), то возникший на его основе, но тем не менее совершенно особый «Текст II» являлся, судя по его содержанию, сугубо русской переработкой, чем он нам здесь и интересен.

Главинич не лукавил, когда сообщал, что нашел «грамоту Александра Македонского» в «рукописных анналах москов». А. С. Мыльников убедительно показал, что в основе латинского текста имперского капеллана лежит летописный рассказ, приводимый, например, Мазуринским летописцем конца XVII в.⁵³ Некоторые характерные странности версии Главинича, поставившие в тупик сначала переписчика его сочинения, а потом и Ф. Пфистера, а также неуклюжие обороты латинского текста находят объяснение именно из недопонимания Главиничем отдельных мест русского протографа.

Ф. Пфистер исходил из того, что «Текст II» существует в единственной рукописи — свр 9370 объемом в 9 листов из Австрийской национальной библиотеки⁵⁴. При этом он даже не потрудился выяснить имя автора сочинения, к которому прилагалась «грамота Алек-

⁵² Pfister F. Op. cit. S. 324–325f.

⁵³ Мыльников А. С. Указ. соч. С. 68. Текст см.: Полное собрание русских летописей (далее — ПСРЛ). Т. 31. М., 1968. С. 13. О данной летописи см.: Корецкий В. И. Мазуринский летописец конца XVII в. и летописание смутного времени // Славяне и Русь. М., 1968. С. 282–290; Контева З. Е. Мазуринский летописец как памятник историографии XVII в. // Проблемы истории СССР. Вып. 11. Б. м., 1989. С. 49–57.

⁵⁴ См. его краткое описание: Tabulae codicum manu scriptorum praeter graecos et orientales in Bibliotheca Palatina Vindobonensi asservatorum. Bd. 6. Wien, 1873. S. 41.

сандра». Естественно, поэтому ему осталось не известным издание записки Главинича, откуда он мог бы узнать, что в той же библиотеке хранится и другая рукопись с «привилегией Александра» — свр 8578 (в начале XIX в. у нее был шифр Historia profana 937), 12 листов⁵⁵. Именно ее опубликовал еще в 1820 г. Б. фон Вихман, в свою очередь ни словом не упомянув о наличии свр 9370. В итоге мы располагаем не только независимыми изданиями двух различных рукописных вариантов «Текста II» (свр 8578 — Б. фон Вихман; свр 9370 — Ф. Пфистер, перепечатка у А. С. Мыльникова⁵⁶), но и, соответственно, двумя переводами: А. Н. Шемякина (свр 8578) и А. С. Мыльникова (свр 9370)⁵⁷.

Определить, какой из двух списков — свр 8578 или свр 9370 — точнее (во всяком случае в части, содержащей «грамоту Александра»), оказывается несложно. Текст свр 8578 последовательно сохраняет те авторские написания, которые, видимо, переписчику свр 9370 показались странными и потому были заменены им на более понятные. Так, Главинич почему-то не перевел эпитет «храбрый», стоявший в летописи при имени первого славянского князя, а плохо транскрибировал его как «Hgrabago» (свр 8578). Переписчик (свр 9370) сделал из этого имя «Hgrabano», после чего и ему, и Ф. Пфистеру, чтобы быть последовательными, пришлось принимать сходные эпитеты (prudens, fortunatus), относившиеся к другим князьям, тоже за имена. Только А. С. Мыльников, опираясь на летописный текст (близкий к тому, что попался на глаза Главиничу), вернулся в своем переводе к правильному пониманию этого места. В летописи называется странный «месяц примос» (очевидно, «первый»)⁵⁸, и Главинич послушно передает его «Primossi» (в родительном падеже) (свр. 8578), но переписчик (свр. 9370) заменил «Primossi» на необъяснимое слово «Primostj», подтолкнув Ф. Пфистера к долгому и безнадежному поиску здесь следов названия древнеегипетского месяца

⁵⁵ См. его краткое описание: Tabulae codicum... Bd. 5. Wien, 1871. S. 269.

⁵⁶ Мыльников А. С. Указ. соч. С. 62.

⁵⁷ Там же. С. 62–63.

⁵⁸ ПСРЛ. Т. 31. С. 13. Вероятно, это пример ошибки, которую писец делает, когда ему диктуют малознакомое или вовсе не знакомое слово. В данном случае скорее всего произнесена была русская калька с латинского «primus», взятого из выражения «primus anni mensis» — «первый месяц года». «Месяц Примус» содержится в том списке грамоты Александра Македонского, с которым ознакомился Н. М. Карамзин: Карамзин Н. М. Примечания к I тому Истории государства Российского // Карамзин Н. М. История государства Российского. Кн. 1. СПб., 1842. Примеч. 70. Стб. 27.

фармути⁵⁹. Определение «велебным» или, как читается в некоторых летописных списках, «дебелым» Главинич (свр 8578) передал словом «ringuibus», но переписчик (свр 9370), вероятно не поняв, как можно обращаться к уважаемым людям как к «тучным», «жирным», поставил здесь «rgaesignibus» — «выдающимся». В свр 8578 говорится о «привилегии роду славян, позже (hinc) москов», а в свр 9370 — о «привилегии роду славян или (sive) москов». Переписчик вставил слово «potentissimus» в титулатуру Александра, поменял в одном месте ее смысл путем перестановки запятой, из «Russico» он сделал «Ruthico» (очевидно, имея в виду Ruthenico), четыре раза поставил «ас» вместо «et», заменил некоторые окончания и внес немало иных мелких поправок.

Все это дает основания привести в приложении полный текст «граммоты Александра» по лучшей рукописи свр 8578, поскольку ее издание Б. фон Вихмана, во-первых, за давностью лет уже не всем доступно, во-вторых, не вполне отвечает сегодняшним требованиям.

Длинное текстологическое отступление не должно увести нас от главного: история о пожаловании Александра Великого будущим «москам» представляет собой нечто большее, чем просто одну из «сказок, сочиненных большею частью в XVII веке и внесенных невеждами в летописи», как охарактеризовал поздние «исторические» рассказы Н. М. Карамзин⁶⁰. Прежде всего, она не имеет отношения собственно к сказкам, потому что, несомненно, является не фольклорным, а сугубо авторским произведением. Сочинитель взял за основу, скорее всего, польский или западнорусский (судя по выражению «презвитяжный рыцарь»⁶¹, использованию слова «место» в значении «город» и др.) вариант «Текста I» и творчески его переработал. При этом под его пером рассказ об общении Александра со славянами оставался, видимо, вполне самостоятельным сюжетом, как он и предстает в Мазуринском летописце, и только позже его включили в «сводную историю» братьев Словена и Руса, «города Словенска» и далее — вплоть до Гостомысла и Рюрика.

Сюжет этот сводится к тому, что Александр Великий предпочел не нападать на воинственных славян, а договориться с ними мирно,

⁵⁹ Pfister F. Op. cit. S. 345.

⁶⁰ Карамзин Н. М. Указ. соч. Стб. 26.

⁶¹ ПСРЛ. Т. 31. С. 13. Для выяснения точного происхождения слова «презвитяжный» требуется отдельное филологическое исследование. Однако, согласно любезному пояснению З. Далевского (Варшава), в его основе могло быть причастие «przezwyścieżyły» — побеждающий. Тогда выражение «przezwyścieżyły gusecz» можно трактовать как кальку с исходного латинского «miles vincens» или «miles triumphans».

милостиво признав за ними право владеть землями от Варяжского моря до Хвалынского, при условии, что они не будут «ни ногой» заступать за границу его собственных (судя по контексту) владений. Славянские князья так обрадовались, получив от Александра эту грамоту (видимо, им тоже не хотелось воевать), что повесили ее в своей «божнице» по правую сторону от идола Велеса, где поклонялись ей, и даже стали праздновать первый день «месяца примоса» (т. е. «дату» составления грамоты Александром)⁶².

Предположение, что то ли у Борисфена, то ли у Танаиса проходила граница державы Александра Македонского, было популярно в XVI в., судя по тому, что Сигизмунд Герберштейн, следуя авторитету «очень многих писателей» (первым из которых надо считать, видимо, Птолемея), настойчиво расспрашивал московитов об остатках «жертвенников Александра» по берегам Дона⁶³. Хотя ничего определенного Герберштейн не узнал, про какие-то «каменные и мраморные статуи» у слияния Дона и Северского Донца сведущие люди ему все же поведали, чем он явно остался доволен⁶⁴.

Нам русская «грамота Александра» интересна не столько как выражение воздействия гуманистической образованности на московского книжника (хотя и это заслуживает дальнейшего изучения), сколько как очередной пример попытки «депровинциализации» собственного сообщества путем вылепливания подходящего ему исторического прошлого. Эксперимент этот оказался менее удачным, чем в случае со «Сказанием о князьях владимирских», приобретшим, в конце концов, официальный статус и включенным в чин поставления на царство. Тем не менее сам метод похож, причем он почти идентичен тому, который искусно применил еще Кассиодор. Ведь в его «Истории» готы сначала отразили нападение Филиппа, отца Александра Македонского, а затем разгромили наездника Александра Пердикку. Цезарь так

⁶² Мыльников А. С. Указ. соч. С. 68.

⁶³ Александр Македонский действительно ставил жертвенники у крайних достигнутых им пределов, подражая в этом Гераклу и Дионису, — на р. Гифасис (Беас) в Индии и вдоль Иаксарта (Сырдарья), где он предполагал границу между Европой и Азией. Арриан (IV, 1, 3) идентифицирует Иаксарт с Танаисом, хотя Страбон (XI, 7, 4) иронизирует над подобного рода отождествлениями, усматривая в них желание их авторов польстить Александру (ведь он тогда выступает покорителем всей Азии). Тем не менее, начиная с Птолемея географы и историки неизменно помещали «алтари Александра в районе Дона (или значительно реже — Днепра, как у Аммиана Марцеллина). Подробно см.: Pfister F. Studien zur Sagengeographie // Symbolae Osloenses. Vol. 35. Issue 1. 1959. P. 5–39, здесь: P. 8–9.

⁶⁴ Перевод см.: Сигизмунд Герберштейн. Московия. М., 2007. С. 217–218.

и не смог покорить готов, «несмотря на частые попытки». Тем самым что готы у Кассиодора, что славяне у автора «русской грамоты» вводятся в качестве достойных героев в историческую картину, принятую в тех кругах, мнение которых авторам представляется ценным, и на которое они стараются повлиять, выдавая тем самым собственную психологическую зависимость от этих же кругов. Легитимизировать границы Московии можно было бы, например, ссылками на авторитет Бату, Тамерлана, Навуходносора, попа Иоанна или кого бы то ни было иного. Тем не менее русский «идеолог» выстраивает свою концепцию, ориентируясь на западноевропейское видение прошлого (в той мере, в какой он сумел его уловить), показывая тем самым, где, на его взгляд, находится важнейший для него ценностный «центр» отсчета. Вряд ли он так же надеялся на обязывающую силу давних постановлений, как составители «Константинова дара» или «Большой привилегии», но все же «международное соглашение» с таким персонажем, как Александр Македонский, служило в его глазах неплохим обоснованием современного ему положения дел.

Главным его авторским новшеством, наряду с введением имен трех «русских» князей, явилось определение границ отведенных им владений. Согласно тому же Мазуринскому летописцу, «...аще каковый народ вселится в пределех вашева княжества от моря Варяжского даже до моря Хвалынскаго, да будет вам и роду вашему подлежими вечней работе»⁶⁵. Указанные географические рамки земель, где должны по праву давности господствовать славяне, трудно соотнести с какими бы то ни было специфическими проблемами XVII в.: в том столетии Александру Македонскому следовало бы проявить больше щедрости и согласиться на подчинение «воинственному племени» земель «даже за Рифейскими горами». Соответственно, автора «Текста II» стоило бы искать скорее при Иване IV — в годы между 1556 (падение Астрахани) и 1583 (подчинение Сибири).

Впрочем, точная датировка для наших целей большой роли не играет. Когда бы ни была составлена специфически русская версия привилегии Александра с обоснованием новых пределов владений «москов», она предназначалась явно не для обитателей завоеванных в XVI в. территорий, да и не для большинства жителей самой Московии. Трудно сказать, имел ли ее автор в виду с самого начала некие политические цели или же он занимался безобидными литературными упражнениями на антично-гуманистическую тему. Однако даже в последнем случае политический смысл его «упражнению» рано или поздно все же придали, судя по тому, что «грамота Александра» ока-

залась включена в летописи. Как бы то ни было, появиться она могла только под западным культурным влиянием (пусть, скорее всего, в польской «редакции»), и оценить ее могли лишь образованные люди, знакомые по меньшей мере с «Романом об Александре».

Перед нами прошел целый ряд текстов, самый ранний из которых появился в VI в., самый поздний — спустя тысячу лет. При всем разнообразии обстоятельств, в которых работали авторы «Гетики», «Константинова Дара», «Большой привилегии» и «Грамоты Александра», несходстве их намерений и при всех отличиях их индивидуальных талантов, одна черта является для них общей. Все они старались изменить соотношение между тем, что воспринималось ими — осознанно или неосознанно, в одном эмоциональном ключе или же в совершенно ином — в качестве «центра», и той «периферией», где они отводили место сообществу, с которым себя идентифицировали. И добиться своих целей все они стремились, похоже, на единственно возможном пути пересоздания исторической памяти собственного сообщества. Нужно ли специально доказывать, что и сегодняшние дискуссии по поводу определения цивилизационных центров и периферий, с упоминания о которых начиналась статья, также должны иметь отношение к тем или иным особенностям исторической памяти сегодняшних сообществ? Поэтому было бы, вероятно, правильно объединить обсуждение проблематики «центров» и «периферий» с проблематикой исторической памяти (или культурной памяти в терминологии Я. Ассмана и его последователей) — уже хотя бы потому, что сегодняшние вполне академические концепции распределения центров и периферий как в сегодняшнем мире, так и в прошлом, выстраиваются в конечном счете, видимо, на основе параметров, в той или иной мере задаваемых исторической памятью сообществ, с которыми себя идентифицируют рассуждающие о центрах и перифериях социологи.

⁶⁵ ПСРЛ. Т. 31. М., 1968. С. 13; Мильников А. С. Указ. соч. С. 68.

Приложение

«Грамота Александра Македонского славянам»
из сочинения Себастьяна Главинича

Вена. Австрийская национальная библиотека. Свр. 8578

[fol. 11v].

*Privilegium Genti Slavorum, hinc / Moscis ab Alexandro Magno
conces- / sum, ex Annalibus eorundem Mosco- / rum manuscriptis
extractum etc.*

Alexander Rex Regum, supra Reges Imperator, / Dei Altissimi
minister, totius Orbis Dominator, / omnium sub sole ad nutum Dominus,
inobedienti- / bus repentinus Gladius ac timor Mundi totius, supra /
honorificos honorificentissimus.

[fol. 12].

Longe Gentium disjunctis⁶⁶, ignotis Maiestati nostrae / honor pax
et gratia, Vobis ac V[est]rae Belligerae Nati- / oni Sclavonicae, glorioso
stemmati Russico, Principi- / bus, ac Gubernatoribus a Mari Waregho ad
Caspi- / um, Pinguibus et dilectis nostris Hrabaro Veliko- / sano, Prudenti
Hassano, Fortunato Havessano / aeternam salutem.

Siquidem Vos in conspectu non complector, ut Genero- / sa animi
alacritate, tanquam Amicos, secundum / cor meum excipiam, hanc
Gratiam denuncio Do- / minio V[est]ro: ut quaecun[que] Generatio a
Mari Wareg- / ho ad Caspium, cohabitabit, Terras, Principatus / V[est]ri,
sit uobis, ac Posteritati V[est]rae perpetua servi- / tute subiecta, nec extra
confinia ex illis pes ue- / ster extrahatur.

Hoc laudabile opus notificamus Vobis, Epistola / Regia nostra alte
sustentata Iustitiae manu sub- / scripta, et Genealogiaco Dominij nostri
sigillo / Zona aurea ligato munita. Data honori V[est]ro per- / petuo, in
loco⁶⁷ a Nobis aedificato Magnae Alexandriae

[fol. 12v].

⁶⁶ В основе выражение *longe gentium abesse* — быть на другом конце [оби-
таемого мира].

⁶⁷ Использование здесь Главиничем слова «locus» вместо «civitas» дока-
зывает, что оригинал, которым он пользовался, содержал те же характерные
полонизмы, что и известный нам летописный текст, несмотря на отсутствие
в переводе всяких следов «презвитяжного рыцаря».

Voluntate Magnorum Deorum Martis et Iovis, ac / Dearum Veneris et
Palladis. Mensis Primossi prima / die.

Subscriptio aureis litteris sic dicitur fuisse.

Nos Alexander Rex Regum, et supra Reges, coele- / stium Magnorum
Deorum Iovis et Veneris / Filius: Terrenus vero Philippi Potentissimi /
Regis et Olimpiae Reginae, nostra alte / sustentata Iustitia haec in
sempiternum / Confirmamus etc.

Перевод

*Привилегия народу славян, позже москов, пожалованная
Александром Великим, извлеченная из рукописных annalov
тех же москов, и т. д.*

Александр, царь царей, император над царями⁶⁸, слуга наивыс-
шего бога, владыка всего мира, повелитель всех, кто под солнцем,
непокорным — внезапный меч и страх всего мира, над славными
славнейший.

В весьма отдаленном и неведомом нашему Величеству [краю
вашем]⁶⁹, почет, мир и милость вам и вашему славному русскому пле-
мени воинственного славянского народа, князьям и правителям [зе-
мель] от Варяжского моря до Каспийского, солидным и возлюблен-
ным нашим, храброму Великосану, благоразумному Хасану, счастли-
вому Хавесану, вечного здравия!

Хотя не могу, воочию видя, обнять вас, чтобы в благородном ду-
шевном волнении прижать вас, как друзей, к моему сердцу⁷⁰, провоз-
глашаю такую милость вашему величеству, что ежели какое племя
поселится на землях вашего княжества от моря Варяжского до Ка-
спия, пусть оно будет в вечном подчинении у вас и у ваших потомков,
а вы не будете ни ногой переступить эти пределы.

⁶⁸ Переосмысление выражения оригинала «и над пари бич божий».

⁶⁹ Дополняется по смыслу и в соответствии с чтением этого места в Мазу-
ринском летописце.

⁷⁰ Либо Главинич здесь далеко отошел от своего оригинала, либо у него
перед глазами был иной вариант текста, чем тот, что воспроизводит Мазу-
ринский летописец. В версии последнего слова про объятия и сердце отно-
сятся еще к предыдущей фразе с приветствием князьям и формулируются
существенно иначе, чем в переводе Главинича: «...яко самех вас лицем к лицу,
целую и сердечне приемлю, яко други по сердцу моему», см.: ПСРЛ. Т. 31.
С. 13.

Сие славное деяние объявляем вам посланием, подписанным царской рукой нашей, высокой держательницей правосудия⁷¹, и скрепленным наследственной нашей государевой печатью на золотом шнуре⁷². Дано чести вашей навечно в месте⁷³, нами выстроенном, Александрии Великой, по воле великих богов, Марса и Юпитера, и богинь Венеры и Паллады, первого месяца в первый день».

Подпись золотыми буквами звучала так:

«Мы, Александр, царь царей и над царями⁷⁴, сын небесных великих богов Юпитера и Венеры, земной же [сын] Филиппа, могущественнейшего царя, и царицы Олимпии, навечно утверждаем сие нашу руку, высоко держащей правосудие» и т. д.

⁷¹ Здесь и ниже важный пример очевидной зависимости латинского текста от русского, а не наоборот: «высокодержавную руку» русского оригинала Главинич (или его толмач) услышал и понял как «высоко держащую руку», отчего ему пришлось домысливать, что именно эта рука держит.

⁷² Главинич не понял здесь выражения «златокованный герб», относившегося к самой печати, и решил, что золотым был шнур для нее.

⁷³ То есть «городе». Автор допускает здесь очевидный полонизм.

⁷⁴ В русском оригинале «над цари бич»: слово «бич» в переводе Главинича пропущено.

Сведения об авторах

Андерсон Кирилл Михайлович, к.и.н., доцент Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова

Бинош Бертран, профессор, доктор, Университет Париж-1 / Пантеон-Сорбонна (Франция)

Бойцов Михаил Анатольевич, профессор, д.и.н., Научно-исследовательский университет — Высшая школа экономики (Москва)

Боргольте Михаэль, профессор, доктор, Берлинский университет им. Гумбольдтов (Германия)

Вульф Ларри, профессор, доктор, Университет Нью-Йорка (США)

Доронин Андрей Владимирович, к.и.н., научный сотрудник Германского исторического института в Москве

Дубек Вратислав, доктор, научный сотрудник Института политических наук факультета философии Пражского университета, научный сотрудник Института Масарика — Архива Чешской республики (Чехия)

Живов Виктор Маркович (1945–2013), профессор, д. филол. н., в последние годы жизни работал в Отделении славянских языков и литератур Калифорнийского университета в Беркли, являлся зам. директора Института русского языка им. В. В. Виноградова РАН и зав. сектором истории русского литературного языка (Россия — США)

Илизаров Борис Семенович, профессор, д.и.н., ведущий научный сотрудник Института российской истории РАН (Москва)

Клоостерман Яаап, Международный институт социальной истории в Амстердаме (Нидерланды)

Кобельт-Грох Марион, приват-доцент, доктор, Институт социальной и экономической истории Гамбургского университета (Германия)

Коури Эркки, профессор, доктор, Хельсинкский университет (Финляндия)

Новиченко Ирина Юрьевна, к.и.н., старший научный сотрудник Института всеобщей истории РАН (Москва)

Райхерт Фолькер, профессор, доктор, Штуттгартский университет (Германия)

Фойтцик Ян, доктор, научный сотрудник Института современной истории Мюнхен — Берлин (Германия)

Шварц Михаэль, профессор, доктор, научный сотрудник Института современной истории Мюнхен — Берлин (Германия)

Шмидт Ханс-Йоахим, профессор, доктор, Университет Фрибура (Швейцария)

Шуппенер Георг, профессор, доктор, Эрфуртский университет, Университет св. Кирилла и Мефодия в Трнаве (Германия — Словакия)

Содержание

От составителя	5
<i>Боргольте Михаэль</i> . «Рождение» наций? «Гибель» наций? Европа в древности	12
<i>Райхерт Фолькер</i> . Иерусалим в XV в.: пуп земли, центр Европы или все же периферия?	28
<i>Бойцов М. А.</i> «Центры» и «периферии» как субъективные переживания исследователей и исследуемых	50
<i>Шмидт Ханс-Йоахим</i> . Периферия без центра. Дебаты на вселенских соборах XV в.	87
<i>Доронин А. В.</i> Россия и Новое время, или Почему Ломоносов занялся «Древней Российской историей»	112
Живов В. М. Дисциплинировать и просвещать: две модернизационные стратегии и пространство между ними	144
<i>Бинош Бертран</i> . Новая европейская триада: Рим, Париж, Петербург ...	165
<i>Вульф Ларри</i> . Размышления о Сибири и Тихоокеанском регионе: взгляд эпохи Просвещения с периферии	178
<i>Андерсон К. М.</i> Эдуард Карпентер: величие маргинала.	192
<i>Клоостерман Яаап</i> . Скрытые центры: расцвет и упадок тайных обществ	214
<i>Кобельт-Грох Марион</i> . С периферии в центр интересов. Эмансипация и равноправие полов в художественном альманахе «На высоте» (1881–1885) Леопольда фон Захер-Мазоха	251
<i>Шуппенер Георг</i> . Обретение национальной идентичности в Богемии и роль наук на рубеже XVIII–XIX вв.	265
<i>Коури Эркки</i> . К вопросу о становлении нации и языка в Великом княжестве Финляндском	288
<i>Новиченко И. Ю.</i> Западноевропейское право и российское законодательство о частных обществах	304
<i>Шварц Михаэль</i> . Распад империй — триумф национализма? Модели нового государственного порядка в Восточной Европе, России и Малой Азии, 1912–1923 гг.	336
<i>Дубек Вратислав</i> . Идеал «центра» в чешской и словацкой политике первой половины XX в.: между центром и периферией	357
<i>Илизаров Б. С.</i> Преломления сталинского дискурса: «центр — периферия» в советском имперском строительстве	373
<i>Фойтцик Ян</i> . Фрагментация и плюрализация модели «центр — периферия» в условиях модернизации и глобализации (тезисы)	390
Сведения об авторах	396

Inhalt / Contents

<i>Foreword</i>	5
<i>Borgolte Michael</i> . "Geburt" und "Tod" der Nationen? Europa in älteren Zeiten (The "Birth" and "death" of nations? Europe in older times)	12
<i>Reichert Folker</i> . Jerusalem im 15. Jahrhundert: Nabel der Welt, Zentrum Europas oder doch nur Peripherie? (Jerusalem in the 15 th century: hub of the world, the center of Europe or only the periphery?)	28
<i>Boytsov Mikhail A.</i> "Zentren" und "Peripherien" als subjektive Erfahrungen der Erforscher und Erforschten ("Centers" and "peripheries": the subjective experience of researchers and researched)	50
<i>Schmidt Hans-Joachim</i> . Peripherie ohne Zentrum. Debatten auf den Konzilien an der Wende zum 15. Jahrhundert (Periphery without a center. Council debates at the turn of the 14 th to the 15 th century)	87
<i>Doronin Andrej W.</i> Russland und Moderne oder warum hat sich Lomonossov mit der "Alten Russischen Geschichte" beschäftigt? (Russia and modernity, or why did Lomonosov occupy himself with "old Russian history"?)	112
Zhivov Viktor M. Disziplinieren oder aufklären: zwei Modernisierungsstrategien und das Raum dazwischen (Discipline or Enlightenment: two modernization strategies and the space in between)	144
<i>Binoche Bertrand</i> . Eine neue europäische Triarchie: Rom, Paris, Petersburg (A new European triarchy: Rome, Paris, Petersburg)	165
<i>Wolff Larry</i> . Sibirien und Pazifik: Der Peripheral Vision der Aufklärung (Siberia and the Pacific: The peripheral vision of the Enlightenment)	178
<i>Anderson Kyrill M.</i> Edward Carpenter: die Größe des Außenseiters (Edward Carpenter: the magnitude of the marginal)	192
<i>Kloosterman Jaap</i> . Versteckte Zentren: Der Aufstieg und Fall der Geheimgesellschaften (Hidden centers: The rise and fall of the secret societies)	214
<i>Kobelt-Groch Maaron</i> . Von der Peripherie ins Zentrum des Interesses: Emanzipation und Gleichberechtigung der Geschlechter in Leopold von Sacher-Masochs internationaler Revue <i>Auf der Höhe</i> (1881–1885) (From the periphery to center stage: emancipation and the equality of the sexes in Leopold von Sacher-Masoch's international journal <i>Auf der Höhe</i> [1881–1885])	251
<i>Shuppener Georg</i> . Nationale Identitätsfindung in Böhmen und die Rolle der Wissenschaften an der Wende vom 18. zum 19. Jahrhundert (The national search for identity in Bohemia and the role of science at the turn of the 18 th to the 19 th century)	265
<i>Kouri Erkki</i> . Zum Verhältnis von Nationswerdung und Sprache im Großfürstentum Finnland (The relationship between nation-building and language in the Grand Duchy of Finland)	288

<i>Novitschenko Irina Ju.</i> Westliches Recht und russische Gesetzgebung über die privaten Gesellschaften (Western European law and Russian legislation on private associations)	304
<i>Schwartz Michael</i> . Zerfall der Imperien – Triumph der Nationalismen? Modelle staatlicher Neuordnung in Osteuropa, Russland und Kleinasien zwischen 1912 und 1923 (The decay of empires – the triumph of nationalism? Models of state reorganization in Eastern Europe, Russia and Asia Minor between 1912 and 1923)	336
<i>Doubek Vratislav</i> . Unterschiedliche Formen vom Ideal des Zentrums in der tschechischen und slowakischen Politik der 1. Hälfte des 20. Jahrhunderts: zwischen der Peripherie und dem Zentrum (Different versions of the ideal center in Czech and Slovak politics in the 1 st half of the 20 th century: between the periphery and the center)	357
<i>Illizarov Boris S.</i> Die Refraktionen des stalinistischen Diskurses "Zentrum – Peripherie" in der Aufbau des sowjetischen Imperiums (Refractions of the Stalinist "center – periphery" discourse in the construction of the Soviet empire)	373
<i>Foitzik Jan</i> . Fragmentierung und Pluralisierung des Zentrum-Peripherie-Modells durch Modernisierung und Globalisierung. (thesen) (Modernization and globalization as contributors to the fragmentation and pluralization of the center-periphery model. Proposals)	390
Kurz über die Autoren (Notes on the Authors)	396

Редакция журнала «Восточная Европа»
 Редактор Е. А. Кочеткова
 Уполномоченный редактор А. К. Соколов
 Уполномоченное оформление А. Ю. Лукьянчик
 Технический редактор М. М. Виноградова
 Выпускающий редактор Н. Н. Доломанова
 Компьютерная верстка Т. Г. Горбанова
 Корректор Е. В. Родина

П. Р. № 068009 от 22.07.1998. Подписано в печать 12.08.2014.
 Формат 60x90/16. Усл.-печ. л. 25.
 Тираж 700 экз. Заказ №1934.

Напечатано в типографии «Политграфресурсы»
 127018, Москва, 3-й проезд Марьиной Рощи, д. 80, стр. 1
 Тел.: (499) 882-12-72 (общий факс), (499) 709-72-82 (отдел распространения)

Организация внесена в реестр организаций по оказанию услуг в соответствии с ФКЗ «Об организации предоставления государственных и муниципальных услуг»
 Организация «Восточная Европа»
 143300, Московская область, г. Подольск, ул. Подольская, д. 1
 Сайт: www.diplo.ru, E-mail: sales@dipl.ru, ф. 8(496)728-24-10

Научное издание
Россия и Европа. Век за веком
**Центры и периферии
европейского мироустройства**

Ведущий редактор *Н. А. Волынчик*

Редактор *Е. А. Кочанова*

Художественный редактор *А. К. Сорокин*

Художественное оформление *А. Ю. Никулин*

Технический редактор *М. М. Ветрова*

Выпускающий редактор *Н. Н. Долманова*

Компьютерная верстка *Т. Т. Богданова*

Корректор *Е. Л. Бородина*

Л. Р. № 066009 от 22.07.1998. Подписано в печать 12.09.2014.

Формат 60x90/16. Усл.-печ. л. 25.

Тираж 700 экз. Заказ №4934.

Издательство «Политическая энциклопедия»

127018, Москва, 3-й проезд Марьиной Рощи, д. 40, стр. 1

Тел.: 8(499) 685-15-75 (общий, факс), 8(499)709-72-95 (отдел реализации)

Отпечатано способом ролевой струйной печати

в ОАО «Первая Образцовая типография»

Филиал «Чеховский Печатный Двор»

142300, Московская область, г. Чехов, ул. Полиграфистов, д.1

Сайт: www.chpd.ru, E-mail: sales@chpd.ru, т/ф. 8(496)726-54-10